
Антология юридической науки

А. Н. Трайнин

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

Юридический центр Пресс

Антология юридической науки

Арон Трайнин

Избранные труды

«Юридический центр»

2004

УДК 343.2
ББК 67.404

Трайнин А. Н.

Избранные труды / А. Н. Трайнин — «Юридический центр»,
2004 — (Антология юридической науки)

В сборник избранных трудов одного из видных теоретиков в области уголовного права А. Н. Трайнина вошли его основные работы, написанные в 1913–1957 гг. Особый интерес представляет цикл статей ученого о роли и значении Нюрнбергского процесса, участником которого он был. Для преподавателей, аспирантов, студентов юридических вузов и всех интересующихся вопросами уголовного права.

УДК 343.2
ББК 67.404

© Трайнин А. Н., 2004
© Юридический центр, 2004

Содержание

Арон Наумович Трайнин	6
Из книги «Общее учение о составе преступления»[1]	10
Глава четвертая	10
Глава пятая	17
Глава шестая	25
Глава седьмая	31
Глава восьмая	43
I	45
II. Элементы состава, характеризующие объективную сторону преступления	50
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Арон Наумович Трайнин

Избранные труды

© А. Н. Трайнин, 2004

© Н. Ф. Кузнецова, составление, вступительная статья, 2004

© Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004

* * *

*Арон Наумович Трайнин
1883–1957*

*Член-корреспондент АН СССР, заслуженный деятель науки РСФСР,
доктор юридических наук, профессор Заведующий кафедрой уголовного права
МГУ 1943–1952 Заведующий сектором Института государства и права АН
СССР 1938–1954 гг.*

Арон Наумович Трайнин

Арон Наумович Трайнин родился 9 июля 1883 г. в Витебске, в семье мелкого служащего. В 1903 г. он впервые переступил порог Московского университета, с которым затем будет связана вся его жизнь. С первых дней обучения студент А. Трайнин активно включился в демократическое движение, за что трижды арестовывался царским правительством. Еще в дипломной работе «Классовая борьба и наказание в истории русского права» проявились черты будущего ученого – оригинальность и смелость мышления.

По окончании юридического факультета А. Трайнин был оставлен на кафедре для подготовки к профессорскому званию. Однако через три года, в знак протеста против реакционной политики, проводимой в отношении университета, он покидает свою alma mater и продолжает педагогическую и научную деятельность в Народном университете Шанявского. В МГУ А. Н. Трайнин вернулся в 1917 г. после Октябрьской социалистической революции. В 1921 г. он был утвержден в звании профессора университета.

За короткий дореволюционный период А. Н. Трайнин опубликовал большое количество исследований по уголовному праву, криминологии и уголовному процессу. Среди них – «Новейшие течения классической школы уголовного права», «Тресты, картели и уголовный закон», «Хулиганство» и др. Монография «Несостоятельность и банкротство» была одобрена университетом Шанявского как диссертация.

И сегодня не потеряли актуальности такие его криминологические работы, как «Движение преступности в Московской губернии», «Преступность столиц и городов», «Преступность города и деревни», «Преступность женщин».

А. Н. Трайнин является одним из основоположников науки советского уголовного права. Он первым написал учебник по Особенной части советского уголовного права, изданный в 1926 г. В нем не только обстоятельно анализируется российское дореволюционное и советское уголовное законодательство, но и глубоко используется метод сравнительного правоведения. Его перу принадлежат такие работы, как «Хозяйственные преступления» (три издания), «Должностные преступления», «Союзное положение о государственных преступлениях» и др. Вышедший в 1929 г. курс лекций «Общая часть уголовного права» удачно сочетал уголовно-правовую, криминологическую и социологическую характеристики преступлений и наказаний.

В начале 30-х годов А. Н. Трайнин обращается к совершенно новой и чрезвычайно актуальной сфере – международному уголовному праву. Крупный правовед, наделенный научной интуицией, он хорошо понимает, какой трагедией для человечества может обернуться победа фашизма в Германии, Италии и Японии. В 1935 г. выходит в свет его монография «Уголовная интервенция». Это исследование положило начало разработке понятия международного преступления и ответственности за него. Через два года появился новый труд «Защита мира и уголовный закон».

После нападения гитлеровской Германии на Советский Союз А. Н. Трайнин всю свою творческую энергию отдает борьбе с фашизмом. Он выступает с серией статей об ответственности оккупантов за совершенные на территории СССР преступления. В 1944 г. выходит его новая книга «Уголовная ответственность гитлеровцев». Положения этой работы широко использовались в Московской декларации об уголовной ответственности немецких фашистов и в Уставе Международного Трибунала в Нюрнберге и Токио. Книга была оценена как крупный вклад советской науки в борьбе с фашизмом.

Летом 1945 г. А. Н. Трайнин в составе советской правительственной делегации принимает участие в выработке Соглашения о судебном преследовании и наказании главных воен-

ных преступников и Устава Международного Трибунала. Он являлся вице-президентом Международной Ассоциации юристов-демократов.

В 1956 г. выходит фундаментальная монография А. Н. Трайнина «Защита мира и борьба с преступлениями против человечества», ставшая своеобразным итогом двадцатилетних исследований по международному уголовному праву. В работе рассматриваются общее понятие преступлений против человечества, преступлений против правил ведения войны, понятие геноцида. Целый ряд международно-правовых актов ООН, принятых в послевоенный период и принимаемых ныне, получили теоретическое обоснование в трудах А. Н. Трайнина. Новый раздел в УК РФ 1996 г. «Преступления против мира и человечества», без преувеличения, можно назвать законодательным памятником А. Н. Трайнину.

Весом вклад А. Н. Трайнина в разработку теории уголовного права. Он первым в СССР разработал учение о соучастии в монографии, опубликованной в 1941 г. Воззрения автора по данной проблеме по сей день используются в национальной уголовно-правовой доктрине. Он исследовал сложнейшую проблему состава преступления, опубликовав, по существу, три самостоятельные монографии: в 1946 г. – «Учение о составе преступления», в 1952 г. – «Состав преступления по советскому уголовному праву», в 1957 г. – «Общее учение о составе преступления». Значение этих работ объясняется тем, что с составом преступления связаны практически все институты Общей части уголовного права. На основе состава преступления исследуются нормы Особенной части УК. А. Н. Трайнин – автор около 300 работ, основные из которых переведены на иностранные языки.

Почти 50 лет жизни А. Н. Трайнин отдал педагогической деятельности в стенах Московского университета. С 1943 по 1952 г. он заведовал кафедрой уголовного права на юридическом факультете. Достоинства А. Н. Трайнина как преподавателя вполне могут соперничать с его авторитетом ученого с мировым именем. Велико и методологическое наследие А. Н. Трайнина, многие годы отдававшего студентам свои знания по уголовному праву. В Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова он учил будущих правоведов, как надо читать лекции, проводить семинары, вести научный студенческий кружок, которым он лично руководил до конца своих дней. Из кружковцев вышли достойные его ученики – преподаватели, исследователи, практикующие юристы.

Природа щедро одарила А. Н. Трайнина талантом публициста и оратора. Лекции он читал вдохновенно, без заготовленных «впрок» конспектов. Речь – сжатая, четкая, яркая, даваемые дефиниции предельно отточены, метафоры образны и остроумны. Такие лекции запоминаются надолго, многие из них – на всю жизнь. Он был образцом ученого и преподавателя, которого уважали и любили студенты. К его высоким титулам – члена-корреспондента АН СССР, заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора юридических наук, профессора, кавалера двух орденов Трудового Красного Знамени, следует присоединить и высший титул – «Человек».

В настоящий сборник избранных трудов А. Н. Трайнина вошли его главные работы, написанные в 1913–1957 гг.

Так, книга «Несостоятельность и банкротство» обрела ныне в условиях капитализации экономики России, по существу, «второе дыхание». В начале XXI в., как и в начале XX в., правоведы обсуждают проблему разграничения несостоятельности и банкротства. Современное банкротство оказалось формой очередного передела собственности, чего, понятно, не было при «нормальном» буржуазном строе, в отличие от нынешнего российского капитализма. Нормы УК РФ о неправомерных действиях при банкротстве (ст. 195), о преднамеренном банкротстве (ст. 196) и о фиктивном банкротстве (ст. 197) применяются на практике весьма редко. В то же время реальное незаконное банкротство широко распространено. Авторы работ о банкротстве и сегодня используют данную книгу А. Н. Трайнина, хотя ей без малого полвека.

«Учение о соучастии» (1941 г.) – первая в советском уголовном праве монография по столь актуальной теме. Составители и издатели настоящего сборника старались не прибегать

к большим купюрам при ее публикации. Опущены лишь главы о буржуазном уголовном законодательстве, которые устарели, и о законодательстве о соучастии в досоветский период. Хотя последнее представляет для исследователей несомненный интерес.

Прочитав эту работу, читатель получает представление о теории, законодательстве и судебной практике по такой сложной проблеме, как соучастие в преступлении в СССР и РСФСР до начала 40-х годов XX в. Автор придерживается мнения о возможности соучастия в неосторожных преступлениях, что критиковалось еще при его жизни. Но это, пожалуй, единственное, что не было воспринято законодательством и доктриной. Остальные же положения стали научной основой института соучастия в советском и постсоветском уголовном праве. Они достойно выдержали испытание временем.

«Общее учение о составе преступления» (1957 г.) – фундаментальное исследование центрального института уголовного права, долго оставалось единственным в отечественном правоведении. Лишь в 1997 г. И. Я. Гонтарь «рискнул» защитить кандидатскую диссертацию и опубликовать работу на тему «Преступление и состав преступления как явление и понятие в уголовном праве» (Владивосток, 1997). Однако его нормативистское понимание состава преступления не совпадает с учением о составе преступления А. Н. Трайнина.

Данная монография А. Н. Трайнина, опубликованная в трех, по существу, самостоятельных изданиях, и сегодня способствует правильному пониманию того, что такое состав преступления, каково его соотношение с преступлением и диспозицией уголовно-правовой нормы. Весомый вклад разработанного А. Н. Трайниным учения о составе преступления в науку и практику уголовного права является непреходящей ценностью российского правоведения.

Начиная с 1935 г., когда вышла книга «Уголовная интервенция», вплоть до 50-х годов XX в. основное внимание А. Н. Трайнина как ученого и горячего борца за мир сосредоточивается на животрепещущих проблемах международного уголовного права. В это время выходят многочисленные книги, брошюры и статьи, посвященные уголовной ответственности за злодеяния немецкого фашизма в Европе и СССР во время Второй мировой войны. Эти работы принято классифицировать по трем временным периодам: 1 – «Задолго до Нюрнберга», 2 – «На Нюрнбергском процессе», 3 – «После Нюрнберга».

Публикации по международному уголовному праву носят новаторский характер, подлинно научны и особо актуальны в практическом плане. Ученый и патриот А. Н. Трайнин разработал понятия агрессии, геноцида, военных преступлений, преступлений против человечества, основания уголовной ответственности за них. Многие его положения легли в основу Устава Нюрнбергского Международного Военного Трибунала 1945 г. и Устава Международного Военного Трибунала над главными японскими военными преступниками 1946 г., например, понятие агрессии, зафиксированное в ст. 6 Устава 1945 г., как преступления против мира: планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны. В такой редакции состав агрессии вошел в УК РФ, УК стран СНГ, многие другие зарубежные уголовные кодексы.

На Нюрнбергском процессе А. Н. Трайнин выполнял функции советника Международного Военного Трибунала. Трибунал объявил благодарность члену-корреспонденту АН СССР профессору А. Н. Трайнину за его плодотворную и многогранную помощь в осуществлении правосудия над главными нацистскими военными преступниками.

Актуальность научного наследия А. Н. Трайнина в области международного уголовного права подтверждается трагическими событиями в Югославии 90-х годов XX в. и в Ираке 2003 г. Создание Международного уголовного суда, о функциях и структуре которого писал А. Н. Трайнин почти полвека назад, наконец состоялось.

Читатели, в первую очередь молодые, ознакомившись с избранными произведениями А. Н. Трайнина, получают достоверную информацию о том, как основатели советского уголовного права боролись за внутригосударственную и международную законность, и, надеюсь, используют ее в своей практической деятельности.

Лауреат государственной премии СССР, Заслуженный деятель науки РСФСР, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии MTV им. М. В. Ломоносова Н. Ф. Кузнецова

Из книги «Общее учение о составе преступления»¹

Глава четвертая Понятие преступления и состав преступления

Понятие преступления и понятие состава преступления по своему содержанию и своему правовому значению весьма близки друг другу. Поэтому их нельзя механически расчленять. Они, однако, не тождественны. Их поэтому нельзя и смешивать. В интересах правильного построения системы социалистического уголовного права, и, следовательно, в интересах укрепления социалистической законности необходимо установить подлинное соотношение двух этих важнейших уголовно-правовых понятий – понятия преступления и понятия состава преступления. При решении этой важной задачи необходимо, прежде всего, отвергнуть попытку искать грань между понятиями преступления и состава преступления в расчленении их политического и правового значения. Так, на страницах журнала «Советское государство и право» (1954 г. № 6)² было высказано мнение, что ст. 6 УК РСФСР, дающая определение преступления, служит «лишь общей политической характеристикой преступления», а состав преступления – его «правовым понятием».

Таким образом, проводится как бы разделение компетенций «самого» преступления и его состава: политическая характеристика преступления дана в ст. 6 УК РСФСР, а его правовое понятие определяется составом. Такое расчленение преступления и его состава – глубоко ошибочно.

Согласно ст. 6 УК РСФСР преступлением является всякое действие или бездействие, направленное против Советского строя или нарушающее правопорядок, установленный рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени.

Состав преступления, как подробно было развито выше, есть совокупность всех объективных и субъективных признаков (элементов), которые определяют конкретные общественно опасные для социалистического государства действия (бездействие) в качестве преступления.

Таковы общие *родовые* определения, с одной стороны, преступления, с другой – состава преступления. Соответственно определяются и их *виды*.

Конкретизированным видом *преступления* является клевета, кража, убийство и т. д. Конкретизированным видом *состава преступления* является совокупность элементов, характеризующих клевету, кражу, убийство и другие виды составов. Составы, таким образом, раскрывают в конкретных фактических признаках содержание отдельных видов преступлений.

В общем учении о преступлении необходимо исследовать вопросы объекта и объективную сторону, субъекта и субъективную сторону. Соответственно в общем учении о составе

¹ Печатается по: Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления. М.: Госюриздат, 1957. С. 61–307.

² А. Пионтковский, Укрепление социалистической законности и основные вопросы учения о составе преступления. В вышедшей в 1955 г. работе «Понятие преступления в советском уголовном праве», Госюриздат, 1955, проф. А. А. Герцензон правильно пишет: «Проф. А. А. Пионтковский в упомянутой статье рассматривает понятие преступления, содержащееся в ст. 6 УК РСФСР, лишь как общую политическую характеристику преступления по советскому уголовному праву, а понятие состава преступления – как правовую характеристику преступления. С таким разграничением этих понятий нельзя согласиться. Статья 6 УК РСФСР содержит не только политическую, но и юридическую характеристику преступления, ибо общественная опасность – это не только политическая, но и юридическая характеристика преступления. Все институты общей и особенной части советского уголовного законодательства основаны, в конечном счете, на критерии общественной опасности. С другой стороны, общее понятие состава преступления не может быть сведено лишь к юридической характеристике, а всегда содержит и характеристику политическую» (стр. 47).

преступления необходимо различать элементы, характеризующие объект, объективную сторону, субъекты и субъективную сторону преступления.

В некоторых случаях различное содержание понятий преступления и состава преступления выступает в самом законе с особой четкостью. Так, убийство как виновное причинение смерти едино, но составы убийства различны (ст. 136, 137, 138, 139 УК). Так, с другой стороны, один состав – хищение социалистической собственности, предусмотренное Указом от 4 июня 1947 г., – охватывает ряд преступлений: кражу, растрату, корыстное злоупотребление властью (не во всех случаях), мошенничество, причинившее ущерб государству, и др.

Различие понятий «преступление» и «состав преступления» отчетливо выступает и при определении ответственности соучастников: соучастие неизменно предполагает ответственность за одно и то же *преступление*, но не всегда за один и тот же *состав*.

Конечно, каждая правовая норма имеет политическое значение; правовое значение каждой нормы в силу этого лишь возрастает. Бесспорно, далее, что ст. 6 УК РСФСР, дающая материальное определение преступления, имеет большое политическое значение. Но в приведенном выше утверждении содержится другое: ст. 6 УК РСФСР будто бы является «*лишь* общей политической характеристикой преступления». Такое утверждение отрывает политическую оценку от правовой и тем самым искажает соотношение политического и правового начал в советском уголовном законодательстве; это утверждение находится в прямом противоречии с общими тенденциями советского уголовного законодательства и неоднократно выраженной волей советского законодателя.

Глубокая специфика социалистического уголовного права, его подлинный демократизм находят выражение в том, что в тексте закона нередко сочетались и сочетаются, с одной стороны, элементы, характеризующие состав преступления, с другой – признаки, относящиеся к его *политической характеристике* и тем самым раскрывающие смысл закона и его мотивы.

Уже в первых актах Советской власти политическая оценка преступных действий сопутствует установлению за них уголовной ответственности. Так, в обращении Совета Народных Комиссаров к Военно-революционному комитету 15 ноября 1917 г. «О борьбе со спекуляцией» было указано: «Продовольственная разруха, порожденная войной, бесхозяйственностью, обостряется до последней степени спекулянтами, мародерами и их пособниками на железных дорогах, в пароходствах, транспортных конторах и пр...

...Все лица, виновные в такого рода действиях, подлежат по специальным постановлениям Военно-Революционного комитета *немедленному аресту и заключению в тюрьмах Кронштадта*, впредь до предания военно-революционному суду.

Все народные организации должны быть привлечены к борьбе с продовольственными хищниками»³.

Таким образом, Декрет 15 ноября 1917 г. не только устанавливал уголовную ответственность за спекуляцию, но давал общеполитическую и хозяйственную оценку этого преступления.

Изданный позднее, в 1921 г., Закон «Об усилении наказания за проезд на паровозах и тормозных площадках лиц, не имеющих на то права»⁴, указывал:

«Ввиду крайне тяжелого положения нашего транспорта, все усиливающегося наплыва безбилетных пассажиров и провоза незаконного количества клади не только в вагонах, но и на тормозных площадках и даже паровозах – применить особо суровые репрессии в отношении тех граждан, кои нарушают существующие железнодорожные правила, проезжают на тормозных площадках товарных вагонов и паровозах, а также и к тем должностным лицам, которые своим бездействием способствуют развитию этого пагубного для транспорта явления».

³ СУ РСФСР 1917 г., № 3, ст. 33.

⁴ См. постановление СТО 15 апреля 1921 г. (СУ РСФСР 1921 г. № 34, ст. 184).

Здесь также закон говорит не только об уголовной ответственности, но и в обоснование закона – об общем «крайне тяжелом положении транспорта».

В приведенных актах политическая оценка преступных действий, против которых закон направлен, дана в общем введении к закону.

В законодательных актах, относящихся к более позднему времени и к последним годам, тенденция сочетания уголовно-правовой квалификации с политической характеристикой не ослабляется, она лишь выражается в новых формах: из общего введения к закону эта характеристика переходит в *диспозицию* и даже в *санкцию* закона.

Так, новая редакция ст. 128-в УК РСФСР на основании постановления ЦИК и СНК СССР 25 июля 1934 г. устанавливает, что «обвешивание и обмеривание покупателей, пользование при продаже неверными весами» и т. д. «*караются как обворовывание потребителя и обман Советского государства*». Признаки «обворовывания потребителя» и «обман Советского государства» не включены в диспозицию закона; они не могут поэтому рассматриваться как элементы состава преступления, предусмотренного ст. 128-в (этого значения закон и не склонен им придавать.) Но поучительно, что указанные признаки – «обворовывание потребителя» и «обман государства» – уже непосредственно даны в самой уголовно-правовой норме: они начинают собой вторую, санкционирующую, часть этой нормы.

Этот факт – внесение политической оценки в определения закона, – естественно, оказывает определенное влияние на понимание значения и смысла ст. 128-в УК РСФСР. Так, вопрос о том, может ли колхозник, продающий свою продукцию на рынке и при этом обвешивающий покупателей, отвечать по ст. 128-в УК РСФСР, должен решаться на основании именно этих указаний – «обман государства» и «обворовывание потребителя»; обман государства в данном случае предполагает преступные действия со стороны его органов, то есть должностных лиц. Колхозник – частное лицо по ст. 128-в УК РСФСР отвечать не может: он должен отвечать в общем порядке по ч. 1 ст. 169 УК РСФСР за мошенничество.

Дальнейшее развитие этого процесса усиления роли признаков, относящихся к политической характеристике, можно отметить – и это особенно определяет важность этого процесса – в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 10 июля 1940 г.: «За выпуск недоброкачественной продукции директора, главные инженеры и начальники отделов технического контроля промышленных предприятий караются *как за противогосударственное преступление*, равносильное вредительству, тюремным заключением сроком от 5 до 8 лет». Как видно из приведенного текста, в Указе от 10 июля 1940 г. самая конструкция уголовно-правовой нормы своеобразна; в ней нет обычного, характерного для всех постановлений Особенной части Уголовного кодекса четкого деления нормы на диспозицию и санкцию. И в эту единую норму, норму новой конструкции, непосредственно включена политическая характеристика – определение выпуска недоброкачественной продукции «как противогосударственного преступления, равносильного вредительству». Закон, конечно, не имеет в виду в *уголовно-правовом* смысле рассматривать выпуск недоброкачественной продукции как вредительство; вредительство как контрреволюционное преступление предусмотрено специальной нормой – ст. 58⁷ УК РСФСР. Мысль законодателя, очевидно, заключается в том, что в *политическом и народнохозяйственном отношении* выпуск недоброкачественной продукции *равносителен* вредительству. Здесь, таким образом, в одной норме, с одной стороны, уголовно-правовая квалификация, содержащая перечень элементов состава выпуска недоброкачественной продукции, с другой – политическая характеристика, приравняющая выпуск недоброкачественной продукции к вредительству.

26 мая 1947 г. был издан исторический Указ Президиума Верховного Совета СССР об отмене смертной казни в мирное время.

Указ от 26 мая 1947 г. не только содержит правовые нормы, но он вместе с тем дает, – в чем проявляется одна из замечательных особенностей социалистической демократии, – и политическое обоснование нового акта. Вводная часть его указывает:

«Историческая победа советского народа над врагом показала не только возросшую мощь Советского государства, но и, прежде всего, исключительную преданность Советской родине и Советскому правительству всего населения Советского Союза.

Вместе с тем международная обстановка за истекший период после капитуляции Германии и Японии показывает, что дело мира можно считать обеспеченным на длительное время, несмотря на попытки агрессивных элементов спровоцировать войну.

Учитывая эти обстоятельства и идя навстречу пожеланиям профессиональных союзов рабочих и служащих и других авторитетных организаций, выражающих мнение широких общественных кругов, – Президиум Верховного Совета СССР считает, что применение смертной казни больше не вызывается необходимостью в условиях мирного времени».

Здесь с полной отчетливостью выступают глубокие основания акта 26 мая: «исключительная преданность Советской родине и Советскому Правительству всего населения Советского Союза», явившаяся выражением морально-политического единства советского народа, и возросшая мощь Советского государства, одержавшего историческую победу над врагом и содействовавшего обеспечению мира на длительное время. Нерушимо извне и монолитно внутри развивается советская держава, занятая великим мирным трудом – строительством коммунистического общества – и верная бессмертным идеям Ленина. Три положения, следующие за вводной частью Указа от 26 мая, непосредственно решают правовые вопросы, связанные с отменой смертной казни. Такова же конструкция принятого 12 марта 1951 г. и имеющего всемирно-историческое значение Закона о защите мира. Первая, вводная, часть содержит общеполитические и правовые соображения, обосновывающие принятие нового закона.

«Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик, – говорится в Законе, – руководствуясь высокими принципами советской миролюбивой политики, преследующей цели укрепления мира и дружественных отношений между народами, признает, что совесть и правосознание народов, перенесших на протяжении жизни одного поколения бедствия двух мировых войн, не могут мириться с безнаказанностью ведущейся агрессивными кругами некоторых государств пропаганды войны, и солидаризируется с призывом Второго Всемирного конгресса сторонников мира, выразившего волю всего передового человечества в отношении запрещения и осуждения преступной военной пропаганды»⁵.

В самой норме, квалифицирующей пропаганду войны как «тягчайшее преступление против человечества», содержится обоснование такой квалификации: «Считать, – говорит ст. 1 нового Закона, – что пропаганда войны, в какой бы форме она ни велась, подрывает дело мира, создает угрозу новой войны и является ввиду этого тягчайшим преступлением против человечества».

Сочетание в юридической норме специальной уголовно-правовой квалификации с общеполитической характеристикой не перестает быть значительным и весьма характерным явлением. Здесь, в сфере уголовного законодательства, находят выражение основные принципы социалистической демократии: вводя новые нормы, закон вместе с тем апеллирует к политическому сознанию трудящихся, указывая на большой вред совершенных преступлений, и мобилизует общественность и органы власти на энергичную борьбу с этими преступлениями.

Утверждение, что одна из самых значительных норм Уголовного кодекса – ст. 6 УК – является *лишь* общей политической характеристикой преступления, оказывается, таким образом, в противоречии с общими принципами построения советских законов. Это утверждение неизбежно ставит в весьма затруднительное положение судебную практику.

⁵ «Правда», 13 марта 1951 г.

Действительно, хорошо известно, что советский суд, прекращая дела о действиях явно малозначительных, неизменно ссылается и должен ссылаться на примечание к ст. 6 УК РСФСР как на предусмотренное законом основание такого прекращения. Но если ст. 6 УК РСФСР имеет значение «лишь общей политической характеристики» преступления, то названные действия суда по прекращении дела оказываются лишенными правового основания. Иного вывода сделать нельзя; можно допустить другое: может быть, не вся ст. 6 УК РСФСР является «лишь общей политической характеристикой» преступления, а только основной текст – определение преступления. Но тогда возникает новая трудность: в таком случае оказывается, что примечание к норме (ст. 6 УК РСФСР) имеет правовое значение, а самая норма – «лишь общая политическая характеристика».

Далее, в неразрывной связи с материальным определением преступления, данным в ст. 6 УК РСФСР, находится множество норм УК – ст. 8, 16, 17, 19, 51 УК РСФСР и другие.

Если ст. 6 УК РСФСР является «лишь политической характеристикой», то какова природа и судьба этих органически связанных с ней правовых норм? Эти нормы, определяющие весьма важные положения социалистического уголовного права, оказываются также лишенными общего правового основания, данного законодателем в ст. 6 УК РСФСР. Поэтому объявление материального определения преступления, данного в ст. 6 УК РСФСР и соответствующих статьях уголовных кодексов других союзных республик, «лишь общей политической характеристикой» преступления способно вести не к укреплению, а, напротив, к ослаблению социалистической законности.

Материальное определение преступления, данное советским законодателем в ст. 6 УК РСФСР, имеет огромное и правовое, и политическое значение. Поэтому самостоятельного и полноценного рассмотрения требует как учение о составе преступления, так и учение о преступлении. Они должны образовать самостоятельную, полноценную часть курса общей части советского уголовного права⁶.

Смешение понятий преступления и состава преступления, как и попытки искусственно расширить учение о составе преступления за счет учения о преступлении, одинаково наносят ущерб как изучению проблем преступления, так и анализу понятия состава преступления и его громадной роли как основания уголовной ответственности. От того, что это смешение и эти попытки порой объявляются связанными с задачами укрепления законности, они не становятся более убедительными. Напротив, в плане борьбы за социалистическую законность эти попытки являются особо неудачными; недооценка, а тем более отрицание, правового значения за ст. 6 УК РСФСР, *дающей материальное определение преступления*, способны вести к переоценке значения в социалистическом уголовном праве формально-юридических критериев.

Необходимо учесть и другое. Недооценка значения материального определения преступления, данного в ст. 6 УК РСФСР, приводит к недооценке принципиальной грани, отделяющей социалистическое уголовное право от буржуазного.

Действительно, глубокая противоположность социалистического уголовного права буржуазному уголовному праву находит свое выражение в противоположном понимании преступного: уголовное законодательство капиталистических стран определяет преступление лишь формально как действие, влекущее за собой наказание. Противоположная конструкция понятий преступного имеет решающее значение для всей системы и всех институтов, с одной стороны, буржуазного, с другой – социалистического уголовного права.

Действительно, в неразрывной органической связи с формальным определением преступления в буржуазных уголовных кодексах, начиная с французского Кодекса 1810 г. и кончая швейцарским Уложением 1937 г., находится формальное расчленение преступлений на

⁶ Так и Lekschas правильно отмечает: «В уголовном праве необходимо проводить различие между составом преступления и преступлением». («Die Kausalität bei der verbrecherischen Handlung», 1952, S. 49).

две-три группы (преступление, проступок, нарушение). Этот формализм проникает и в конструкцию отдельных институтов: соучастия (разграничение ответственности соучастников по формальному признаку – исполнитель, пособник), стадий совершения преступления (установление формальных граней приготовления и покушения) и других.

Социалистическое уголовное право рассматривает преступление в его исторической изменчивости и в связи с системой господствующих общественных отношений. В соответствии с этим оно дает материальное определение преступления. Это новое, материальное, определение преступления не является изолированным в системе социалистического уголовного права; напротив, оно определяет структуру и содержание таких основных институтов и понятий советского уголовного права, как соучастие, приготовление, покушение, виновность, и других.

Действующий советский закон последовательно осуществляет эту зависимость. Так, если обязательным материальным признаком наказуемого деяния является его общественная опасность, то отпадение этого признака исключает наказуемость деяния, хотя формально оно и остается предусмотренным в качестве наказуемого действия. На этом принципе основано имеющее глубокое значение примечание к ст. 6 УК РСФСР: «Не является преступлением действие, которое хотя формально и подпадает под признаки какой-либо статьи Особенной части настоящего Кодекса, но в силу явной малозначительности и отсутствия вредных последствий лишено характера общественно опасного». На том же принципе построена и ст. 8 УК РСФСР, предусматривающая неприменение наказания, «если конкретное действие, являвшееся в момент совершения его согласно ст. 6 настоящего Кодекса преступлением», или лицо, совершившее это действие, к моменту расследования или рассмотрения дела судом перестали быть общественно опасными.

Материальная оценка преступления находит, далее, выражение и в конструкции отдельных институтов социалистического уголовного права. Советский закон предоставляет суду право наказывать соучастников в зависимости от конкретной оценки степени общественной опасности отдельных соучастников и их участия в преступлении. На той же материальной оценке конкретных явлений построена в социалистическом уголовном праве и ответственность за приготовление и покушение.

Советский закон и советский суд, конечно, не игнорируют и не должны игнорировать значение различных стадий совершения преступления и, в частности, стадии приготовления. Более того, советский закон дает специальное определение приготовления как действия, выражающегося «в приискании или приспособлении орудий, средств и создании условий преступления...» (ч. 1 ст. 19 УК РСФСР).

Таким образом, учет стадий совершения преступления прямо предписывается советским законом. Но путь социалистического правосудия, диктуемый материальным определением преступления в разрешении этого вопроса, – это путь, основанный не на формальном разграничении приготовления и покушения, а на реальной оценке преступления, на учете всех обстоятельств дела, действий и личности виновного.

Исходя из материальной оценки явлений и опираясь на материальное определение преступления, действующий закон устраняет из судебной практики извилистый путь схоластических разграничений; ст. 19 УК РСФСР предписывает суду при определении наказания за подготовительную деятельность «руководствоваться степенью опасности лица, совершившего покушение или приготовление, подготовленности преступления и близостью наступления его последствий, а также рассмотрением причин, в силу которых преступление не было доведено до конца».

Материальное определение преступления, выраженное в ст. 6 УК РСФСР, лежит и в основе определения советским законодателем важнейшего элемента состава, характеризующего субъективную сторону преступления, – умысла. Действительно, советский закон опреде-

ляет умысел не формально, как предвидение и желание последствий, предусмотренных уголовным законом; закон в ст. 10 УК РСФСР определяет умысел как предвидение *общественно опасного* характера последствий и желание этих последствий.

С материальным определением преступления связано и право суда снизить наказание ниже минимума, указанного в законе (ст. 51 УК РСФСР), и ряд других норм Общей части Уголовного кодекса.

Наконец, материальное определение преступления, данное в ст. 6 УК РСФСР, имеет исключительное значение для всей Особенной части Уголовного кодекса: ст. 6 дает родовое определение преступления; нормы Особенной части определяют виды этих преступлений.

Таким образом, правовое и политическое значение материального определения преступления, данного в ст. 6 УК РСФСР, в системе социалистического уголовного законодательства весьма велико.

Понятие состава преступления не может строиться ни на отрыве от материального определения преступления, данного в ст. 6 УК РСФСР, ни на смешении этих понятий.

Оба понятия – преступление и состав преступления – исполнены глубокого политического и правового значения.

Глава пятая

Понятие элемента состава преступления

Каждое преступление представляет собой некоторое единство в качестве конкретного посягательства на Советскую власть, социалистический правопорядок или права и интересы личности. При анализе преступных действий, при оценке их общественной опасности и разработке мер борьбы с преступностью это единство преступления необходимо постоянно иметь в виду. Вместе с тем для правильного применения уголовных законов, для решения важнейших вопросов уголовного правосудия, – совершено ли преступление и какое именно, – необходимо тщательное изучение *элементов* состава каждого преступления.

Прежде чем перейти к решению сложной задачи – анализа и систематики элементов состава преступления, – необходимо ее ограничить: необходимо показать, какого рода обстоятельства, *несмотря на их безусловную необходимость для наступления уголовной ответственности*, не могут считаться элементами состава. Должны быть отмечены две группы таких обстоятельств: 1) обстоятельства, характеризующие самого субъекта, и 2) обстоятельства, характеризующие его действие. Обратимся к анализу первой группы.

I

Не может, конечно, вызывать сомнений, что субъектом преступления может быть лишь *вменяемое* физическое лицо. Где нет вменяемости, не может возникнуть самого вопроса об уголовной ответственности, следовательно, и самого вопроса о составе преступления. Именно поэтому вменяемость не есть элемент состава преступления и не является основанием уголовной ответственности; вменяемость – необходимое субъективное *условие*, субъективная предпосылка уголовной ответственности: уголовный закон карает преступника *не за то*, что он психически здоров, а при *условии*, что он психически здоров. Это условие предусмотрено в Общей части Уголовного кодекса как основной и неизменный принцип уголовного правосудия, и ему нет и не может быть места в Особенной части, посвященной описанию конкретных составов преступления. Именно поэтому с полным основанием ни одна из диспозиций уголовных законов СССР, содержащих описание элементов составов, не упоминает о вменяемости. Именно поэтому вопрос о невменяемости может возникнуть до разрешения вопроса о наличии любого состава преступления – убийства, хищения, оскорбления и т. д. Вменяемость идет впереди состава, постоянно оставаясь вне его.

Положение, что вменяемость, не образуя элемента состава, является условием признания виновным и назначения наказания, находит полное подтверждение и в судебной практике. Весьма существенным в этом отношении является постановление Пленума Верховного Суда СССР от 13 июля 1944 г. по делу Д. В этом глубоко содержательном постановлении Верховный Суд указывает: «Согласно ст. 9 УК РСФСР и ст. 3 Закона о судостроительстве наказание является одновременно мерой карательного и исправительного характера, применяемой к лицу, признанному виновным в совершении того или иного преступления. Наказание не может быть применено к лицу, которое не признано виновным. *Одним из обязательных условий признания виновности является вменяемость обвиняемого.* Поэтому к лицу невменяемому не может быть применено наказание». И далее: «Неправильно также указание коллегии, что мера медицинского характера избирается только приговором суда. Наоборот, решение суда о применении меры медицинского характера не может именоваться приговором, так как, согласно п. 9 ст. 23 УПК РСФСР, приговором называется решение суда о виновности или невиновности обвиняемого. В данном случае решение суда не может быть решением о виновности, так как лицо

невменяемое *ни при каких условиях* не может быть признано виновным. Решение это, однако, не может считаться и решением о невиновности. Невиновность по закону признается в трех случаях: а) когда лицо не совершило инкриминируемых действий; б) когда сами эти действия не содержат состава преступления; в) когда не доказано совершение преступных действий. Только при наличии одного из указанных условий вменяемый признается невиновным. Что же касается невменяемого, то освобождение его от наказания имеет место по основаниям, которые не подходят ни под одно из указанных оснований невиновности, поскольку невменяемый не отвечает за свои действия и в том случае, если они доказаны и объективно содержат преступление. Поэтому *как виновными, так и невиновными могут быть признаны только лица вменяемые*⁷. Таким образом, Пленум Верховного Суда СССР с полной отчетливостью признает вменяемость «одним из обязательных условий признания виновности», лежащим за пределами состава.

К субъективным условиям ответственности должно быть отнесено и другое, характеризующее субъекта обстоятельство – *возраст*. Согласно закону несовершеннолетние привлекаются к уголовной ответственности, начиная с 14-летнего возраста. Следовательно, наступление 14 лет – необходимое условие уголовной ответственности.

По определенному кругу деликтов (кража, убийство, телесные повреждения и др.) возраст, обуславливающий уголовную ответственность, Законом 7 апреля 1935 г. снижен до 12 лет. Возраст до 12 лет поэтому всегда и безусловно исключает уголовную ответственность.

Таким образом, вменяемость и возраст (общий – 14 лет, а по специальному кругу деликтов – 12 лет) – необходимые *субъективные условия* уголовной ответственности.

Каждое преступное действие отмечено длинным рядом фактических признаков. Например, гр-н А. без шапки, с фонарем в руках, пройдя вечером по улице, встретил гр-на Б. и вырвал у него из рук серый кожаный портфель. Разнородными являются и черты, характеризующие преступника: гр-н А., блондин, среднего роста, 35 лет, немного прихрамывающий, вырвал из рук прохожего портфель. Разнородна, наконец, и обстановка преступления: портфель вырван ночью, зимой, в городе, в праздничный день и т. д.

Состав преступления, несмотря на его конкретность, всегда носит обобщенный характер, охватывая не индивидуальные, а типичные черты. Поэтому между фактическими признаками, характеризующими данное преступление, и элементами его состава не может быть ни тождества, ни сплошного совпадения. Напротив, можно всегда и заранее признать, что из обширного, по существу необъятного, круга фактических признаков в элементы состава включаются лишь немногие, часто весьма ограниченные, законом отобранные признаки. Отбор из массы фактических признаков элементов состава – этот важнейший для формирования состава и, следовательно, важнейший для всей системы уголовного законодательства процесс – естественно, не может совершаться случайно, бессистемно: отбор элементов состава должен производиться и производится советским законодателем при помощи определенных критериев; эти критерии определяются уголовно-правовым значением состава преступления в целом.

Каждое преступление общественно опасно. *Следовательно, состав каждого преступления должен представлять собой перечень такого рода фактических признаков, которые, с точки зрения советского законодателя, в совокупности своей устанавливают общественно*

⁷ «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР, 1944 год», Юриздат, 1948, стр. 36. – В статье «Некоторые вопросы учения о составе преступления в советском уголовном праве» (Киев, Юридический сборник 1950 г., № 4) автор, М. С. Брайнин, соглашается с тем, что вменяемость и возраст не являются элементами состава преступления. К сожалению, собственные воззрения автора неясны. Так, М. С. Брайнин признает: «Возраст и вменяемость сами по себе не являются элементами состава преступления», – казалось бы, позиция ясная. Однако автор добавляет тут же: «...но они являются необходимыми условиями субъекта преступления». Далее эти «условия субъекта» оказываются какими-то «несамостоятельными» элементами состава (стр. 54).

опасный характер данного действия; так, если кража, согласно ст. 1 Указа от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан», есть тайное или открытое похищение личного имущества граждан, то, следовательно, действие, отмеченное этими признаками: 1) тайное или открытое, 2) похищение, 3) личного имущества граждан – общественно опасно. Так, если клевета, согласно ст. 161 УК РСФСР, есть распространение заведомо ложных, порочащих другое лицо сведений, то, следовательно, действие, отмеченное этими признаками: 1) распространение, 2) заведомо ложных, 3) порочащих, 4) другое лицо, 5) сведений, – общественно опасно.

Таким образом, первое и основное требование, которому должны отвечать признаки, возводимые законодателем в элементы состава, заключается в том, что в своей совокупности они должны непременно представлять общественно опасное для социалистического государства деяние. Не общественно опасное деяние не может образовать состава преступления.

Другой критерий, при помощи которого законодателем производится отбор элементов состава, связан с составом как основанием для применения определенного наказания.

Нельзя упускать из виду, что с составом, описанным в диспозиции, неразрывно связано наказание, описанное в санкции: за определенным преступлением следует определенное (в основном) наказание. *Выражая эту вторую функцию состава, связанную с мерой наказания, закон возводит в элементы состава признаки, устанавливающие не только наличие общественной опасности, но и ее степень.*

Так, например, определяя кражу, закон не ограничивается общей формулой – «кража есть тайное или открытое похищение имущества», а вводит в некоторые диспозиции дополнительные признаки – элементы состава, свидетельствующие о большей или меньшей опасности данного вида кражи. Так, Указ от 4 июня 1947 г. предусматривает признаки, повышающие общественную опасность хищения (повторность, групповое хищение, хищение в крупных размерах).

Отсюда следует, что во всех случаях *общественная опасность деяния является основным, определяющим существо каждого состава преступления, свойством. Как указано выше – в определении понятия состава преступления – лишь общественно опасное действие может образовать состав преступления. Отсюда же непосредственно следует, что общественная опасность не может являться одним из отдельных элементов состава.*

Действительно, как указано выше, по критерию общественной опасности советский законодатель выделяет определенную совокупность фактических признаков в качестве элементов состава преступления: *не будь оно, описанное в законе при помощи элементов состава действие (бездействие), общественно опасным для социалистического государства, советский закон не устанавливал бы за него наказания. Но именно поэтому общественная опасность не может быть снижена до роли одного из элементов состава. Общественная опасность имеет неизмеримо большое значение, чем значение одного из элементов состава, ибо запечатленная в совокупности всех элементов состава она представляет собой уголовно-правовую характеристику действия (бездействия) в целом.*

Иное понимание общественной опасности, попытки считать ее, наряду с другими элементами, одним из элементов состава преступления, – неизбежно ведут к недооценке значения общественной опасности, к искажению ее политического значения и уголовно-правовой природы.

Так, учебник общей части уголовного права (изд. 1952 г.) рассматривает понятие общественной опасности в группе элементов, характеризующих *объективную* сторону преступления⁸. Но совершенно очевидно, что не только объективными свойствами преступного

⁸ Так, Т. В. Церетели и В. Г. Макашвили в статье «Состав преступления как основание уголовной ответственности» пишут: «Признание общественной опасности и противоправности признаками состава, стоящими в одном ряду с другими его при-

действия, но и субъективными признаками, характеризующими преступника, определяется общественная опасность преступления. Достаточно отметить, что согласно ст. 8 УК *действие* теряет характер общественно опасного, если лицо к моменту судебного разбирательства дела перестало быть общественно опасным. Включение общественной опасности в элементы, характеризующие объективную сторону, таким образом, существенно сужает значение общественной опасности и, следовательно, явно ведет к ее недооценке.

Необходимо отметить, что отнесение учебником общественной опасности к элементам состава, характеризующим объективную сторону, находится в полном противоречии с тем определением состава преступления, которое дано на стр. 163 того же учебника. Действительно, учебник, следуя приведенной нами еще в монографии (изд. 1951 г.) формуле, определяет состав преступления как *«совокупность признаков, характеризующих по советскому уголовному законодательству определенное деяние как преступление, то есть как деяние, опасное для основ советского строя или социалистического правопорядка»*.

Совершенно очевидно, что здесь в общем определении состава преступления об общественно опасном характере деяния учебник говорит отнюдь не в рамках «совокупности признаков». Напротив, именно *совокупность* признаков и согласно учебнику определяет деяние как общественно опасное. Таким образом, пытаясь рассматривать общественную опасность лишь как элемент состава, характеризующий объективную сторону преступления, автор соответственного раздела оказывается в противоречии с самим собой.

Далее необходимо учесть следующее. По поводу каждого из элементов состава преступления возможны споры сторон. Так, защита может доказывать, что товары скупались подсудимым *без «цели наживы»*, являющейся элементом состава спекуляции, или что не было *«распространения»* позорящих другое лицо сведений, являющегося необходимым элементом клеветы, – обвинение, естественно, может утверждать противоположное. Но так как общественная опасность не является одним из элементов состава, то отсюда неизбежен важный вывод: нельзя доказывать, что наказуемые законом действия (например, спекуляция) не являются общественно опасными действиями. Дело в том, что доказательство наличия в действиях лица всех элементов предусмотренного законом состава преступления есть тем самым и доказательство общественной опасности этих действий. Напротив, доказывание или требование доказывания наличия в действиях виновного, помимо описанных в законе элементов состава, еще одного дополнительного «элемента» – общественной опасности – означало бы ревизию положений законодателя, признавшего данную совокупность элементов состава общественно опасной.

Поэтому нет и не может быть при рассмотрении конкретного дела спора о том, являются ли «вообще» тайное похищение чужого имущества, убийство, хранение оружия, самоуправство и другие преступления, предусмотренные советскими уголовными законами, действиями общественно опасными.

Законом предусмотрены *исключительные случаи*, когда при наличии специальных условий, перечисленных в примечании к ст. 6 УК РСФСР, может встать вопрос об отсутствии общественной опасности в данном конкретном случае; однако в этих исключительных случаях вопрос встает не о наличии или отсутствии общественной опасности как одного из элементов состава преступления, а о наличии или отсутствии общественной опасности как необходимого свойства совокупности элементов каждого состава преступления.

Если же встать на иную точку зрения, если допустить, что общественная опасность является одним из элементов состава, то потеряло бы всякое значение и всякий смысл примеча-

знаками... могло бы привести к неправильному выводу, что следует в каждом отдельном случае особо доказывать наличие этих признаков... Такая конструкция, – правильно отмечают авторы, – ...не соответствует значению состава преступления и отнюдь не может способствовать укреплению социалистической законности» («Советское государство и право», 1954 г., № 5, стр. 71).

ние к ст. 6 УК РСФСР, так как при отсутствии любого элемента состава и, следовательно, при отсутствии общественной опасности (если ее рассматривать в качестве элемента состава) дело должно быть прекращено на общем основании (п. 5 ст. 4 УПК), а вовсе не на исключительных основаниях, указанных в примечании к ст. 6.

Замечания, сделанные выше по поводу общественной опасности действия, в полной мере определяют и значение противоправности этого действия.

По существу, санкционирующая часть каждой нормы Особенной части могла бы начаться с признания действия, описанного в диспозиции, общественно опасным, противоправным и наказуемым. Так, например, ст. 161 УК РСФСР, раскрытая во всем ее содержании, могла бы быть изложена следующим образом: распространение заведомо ложных, порочащих другое лицо сведений признается действием общественно опасным, противоправным и наказуемым. В такой развернутой характеристике, конечно, надобности нет, поскольку, как отмечено выше, наказуемость деяния предполагает его общественную опасность и противоправность.

Поэтому доказательство наличия в действии виновного всех элементов предусмотренного законом состава есть, по общему правилу, и доказательство общественной опасности, противоправности этого действия и его наказуемости⁹. Доказывание же или требование доказывания наличия в каждом случае в действиях виновного, помимо описанных в законе элементов состава, еще общественной опасности и противоправности означало бы доказывание факта, признанного законом, который именно потому и предусмотрел определенные элементы состава, что считает их совокупность выражением общественной опасности деяния и, следовательно, его противоправности.

Так, проф. В. М. Чиквадзе указывает, что «общественная опасность и противоправность не являются отдельными признаками состава, а характеризуют все признаки состава в их совокупности»¹⁰.

Один из видных криминалистов Германской Демократической Республики Lekschas в 1955 г. писал: «Только совокупностью всех элементов может быть определено существо каждого конкретного преступления»¹¹. И ранее Lekschas в том же смысле указывал: «Общественная опасность есть единство всех фактических данных»¹².

II

В некоторых случаях в законе содержится прямое указание на недозволенность действия, на отсутствие разрешения и тому подобные признаки, характеризующие противоправность. Так, ч. 4 ст. 182 УК РСФСР предусматривает «изготовление, хранение, сбыт и ношение кинжалов, финских ножей и т. п. холодного оружия *без разрешения НКВД в установленном порядке*». В этом конкретном случае указание на противоправность (отсутствие разрешения) есть, конечно, элемент состава, предусмотренного ч. 4 ст. 182 УК РСФСР, но это именно есть та конкретная форма противоправности, которая отличается от противоправности как одной из общих предпосылок уголовной ответственности. Аналогична ст. 91 УК, карающая «участие в выборах в Советы и их съезды лица, *не имеющего на то права*». Согласно прямому указанию закона неправомерность участия в выборах, конечно, один из элементов состава преступления, предусмотренного ст. 91 УК РСФСР.

⁹ Об исключительных случаях отпадения общественной опасности действия или субъекта, несмотря на наличие всех элементов состава, см. ниже – «Состав преступления, примечание к ст. 6 и статья 8 УК» (стр. 318 и сл.).

¹⁰ В. М. Чиквадзе, Понятие и значение состава преступления («Советское государство и право», 1955 г., № 4, стр. 59).

¹¹ «Die Schuld als subjective Seite der verbrecherischen Handlung», 1955, S. 7.

¹² «Zum Aufbau der Verbrechenslehre unserer demokratischen Strafrechtswissenschaft», 1952, S. 14.

Равным образом в Уголовном кодексе могут быть отмечены нормы, в которых диспозиция как будто прямо содержит указание на общественную опасность как элемент состава преступления. Так, ч. 2 ст. 175 УК РСФСР говорит об умышленном истреблении или повреждении имущества *общеопасным* способом. Здесь, в ч. 2 ст. 175 УК РСФСР, общеопасный способ – бесспорно, элемент состава. Общественно опасным является *всякое* умышленное истребление или повреждение имущества, хотя бы и не совершенное общеопасным способом, как это прямо установлено ч. 1 ст. 175 УК РСФСР. *Общеопасный способ* – лишь дополнительный конкретный признак, характеризующий объективную сторону этого преступления и, конечно, являющийся элементом его состава.

К элементам состава, наконец, не могут быть также отнесены содержащиеся иногда в диспозиции *условия наказуемости*. Так, ст. 131 УК РСФСР карает неисполнение обязательств по договору, заключенному с государственным и общественным учреждением или предприятием, *если при рассмотрении дела в порядке гражданского судопроизводства обнаружен злонамеренный характер неисполнения*.

Таково же значение условия уголовной ответственности за содействие или подговор к самоубийству несовершеннолетнего или лица, заведомо не способного понимать свойства или значения им совершаемого или руководить своими поступками, «*если самоубийство или покушение на него последовали*» (ч. 2 ст. 141 УК РСФСР).

Именно потому, что условие, «если самоубийство или покушение¹³ на него последовали», не является элементом состава, не может быть вопроса об ответственности за покушение на подговор, если самоубийство или покушение на него не последовали.

Аналогично ст. 60 УК РСФСР карает неплатеж в установленный срок налогов и сборов по обязательному окладному страхованию, несмотря на наличие к тому возможности «в случае применения мер взыскания в виде описи имущества или продажи описанного имущества с торгов, хотя бы один раз в предыдущем или текущем году». Наступление уголовной ответственности за неплатеж налогов, таким образом, возможно лишь при условии предварительного применения мер взыскания, указанных в ст. 60 УК РСФСР.

Закон здесь указывает *условия применения наказания*, а не признаки, характеризующие элементы состава преступления. Эти указания конкретных условий наказуемости деяния в такой же мере не являются элементами состава, как не является элементом состава изнасилования или оскорбления требование наличия для привлечения к уголовной ответственности виновного жалобы потерпевшего.

Наконец, не являются элементами состава преступления содержащиеся в некоторых нормах Уголовного кодекса указания на отсутствие состава иного преступления.

Так, например, в диспозиции ст. 59^{3д} УК РСФСР – «нарушение правил о международных полетах *при отсутствии* признаков измены Родине или иных контрреволюционных преступлений» – слова «при отсутствии и т. д.» к элементам состава, конечно, отнесены быть не могут.

Следовательно, для понимания природы *элементов* состава преступления необходимо иметь в виду следующее: элементами состава преступления являются те признаки, которым закон придает уголовно-правовое значение и поэтому вводит в диспозицию норм Особенной части. Все эти признаки составлены законодателем таким образом, что в совокупности они образуют общественно опасное наказуемое действие. Так, кражу закон определяет при помощи трех признаков (элементов): 1) тайное или открытое, 2) похищение, 3) личного имущества граждан; клевету – при помощи пяти признаков: 1) распространение, 2) заведомо, 3) ложных, 4) позорящих другое лицо, 5) измышлений и т. д.

¹³ Здесь термин «покушение», конечно, неточен: покушение – понятие с точным уголовно-правовым содержанием: самоубийство – не преступление, и на него не может быть покушения; здесь следовало бы говорить о попытке к самоубийству.

Таким образом, элементом состава является *каждый из фактических признаков, совокупность которых определяет наличие и степень общественной опасности для социалистического государства, предусмотренного советским законом преступления.*

III

Давая описание конкретных составов преступлений при помощи образующих эти составы элементов, советский законодатель в ряде случаев дает особое определение этих элементов. Такого рода определения имеют место и в Общей, и в Особенной частях Уголовного кодекса. Так, ст. 10 УК РСФСР, определяя умысел и неосторожность, говорит: «Действовали умышленно, т. е. предвидели общественно опасный характер последствий своих действий, желали этих последствий или сознательно допускали их наступление». Иного рода определения в Общей части Уголовного кодекса даются в другой редакции. Так, ст. 42 УК РСФСР говорит: «Штраф есть денежное взыскание, налагаемое судом в пределах, установленных законом». В Особенной части Уголовного кодекса закон также в ряде случаев дает особые определения некоторых этих элементов.

Так, ст. 58¹ УК РСФСР говорит: «Измена родине, т. е. действия, совершаемые гражданами СССР в ущерб военной мощи СССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории...» и т. д. Статья 59³ УК РСФСР, определяя бандитизм, указывает: «Бандитизм, т. е. организация вооруженных банд и участие в них и в организуемых ими нападениях» и т. д. Статья 113 УК РСФСР устанавливает: «Дискредитирование власти, т. е. совершение должностным лицом действий, хотя бы и не связанных с его служебными обязанностями, но явно подрывающих в глазах трудящихся достоинство и авторитет тех органов власти, представителем которых данное должностное лицо является».

Аналогичны ст. 109 УК РСФСР (злоупотребление властью), 110 УК РСФСР (превышение власти), 111 УК РСФСР (бездействие власти) и др.

Однако особые определения чаще всего даются понятиям, имеющим специфическое правовое значение: например, вменяемости, умыслу, неосторожности и т. п. Душевная болезнь, холодный расчет, легкомысленная самоуверенность – явления повседневной жизни. Но вменяемость, умысел, неосторожность – уголовно-правовые понятия. Они поэтому, естественно, требуют особых законодательных определений.

В огромном большинстве случаев законодатель идет и должен идти иным путем; не давая специальных определений, закон описывает элементы состава, исходя из того, что выраженные в общеупотребляемых словах понятия достаточно ясны и доступны самому широкому кругу советских граждан. Это – понятие и термины, заимствованные из обыденной жизни и сохранившие в законе то непосредственное значение, которое им присуще в быту. Так, закон говорит о ревности (ст. 136 УК РСФСР), корыстной цели (ст. 120, 136 и др. УК РСФСР), душевном волнении (ст. 138 УК РСФСР), нигде не раскрывая их содержания, как не определяет закон, что такое «недра земли» (ст. 87 УК РСФСР), «рыба-сырец» (ст. 99¹ УК РСФСР), «истязание» (ч. 2 ст. 142 УК РСФСР) и т. п.

Уголовный кодекс превратился бы в толковый словарь, если бы законодатель счел возможным стать на путь разъяснений всех или большинства используемых им слов и понятий. Элементы состава поэтому, естественно, описываются в законе при помощи обычных терминов и слов. Если некоторые из них нуждаются в истолковании, дать это толкование – задача судебной практики и теории уголовного права.

Среди указанных в законе элементов состава нет «избранных», нет элементов более и менее важных, главных и второстепенных. Для наличия состава конкретного преступления необходимо наличие всех образующих его элементов. Отсутствие любого элемента ведет к

отсутствию данного состава в каком бы звене, следовательно, ни произошел разрыв, цепь рассыпается. В этом (и только в этом) смысле все элементы одного и того же состава преступления равны; они равно необходимы для наличия конкретного состава преступления.

Элементы состава, таким образом, образуют грань, отделяющую преступное и наказуемое от неприступного и ненаказуемого. Эта особенность элементов состава преступления, бесспорно, придает им значение некоторых не только реальных, но и формальных граней, лежащих на пути к возбуждению уголовного преследования и применения наказания: доказано наличие элементов состава – уголовное преследование обоснованно, отсутствует хотя бы один из элементов состава – уголовное преследование исключается.

Было бы, однако, глубоким заблуждением на этом основании делать вывод, что здесь при оценке элементов состава социалистическое правосудие в какой-либо мере порывает с *материальной* конструкцией преступления и *материальной* – в условиях конкретной обстановки – оценкой преступления. Напротив, как при анализе общественно опасного деяния в целом, так и при анализе отдельных его элементов социалистическое правосудие неизменно исходит из оценки действия в его реальном жизненном содержании.

Только реальная жизненная оценка отдельных элементов состава преступления обеспечивает правильное понимание состава в целом.

Вопрос о материальной оценке элементов состава преступления заслуживает самостоятельного рассмотрения; оно непосредственно связано с материальным определением преступления.

Глава шестая

Понятие преступления и элементы состава преступления

I

Интересы правильной квалификации преступных действий, квалификации, играющей весьма значительную роль в деле укрепления социалистической законности, требуют верного понимания и четкого анализа отдельных элементов состава преступления.

Состав преступления, как подробно было развито выше, складывается из отдельных элементов, образующих в совокупности общественно опасное преступное действие. Как без наличия состава не может быть речи о преступлении, так без наличия требуемых законом элементов не может быть речи о составе. Правильное понимание элементов состава есть поэтому необходимое условие правильной квалификации преступных действий и, следовательно, необходимое условие борьбы за укрепление социалистической законности.

Законность ни коим образом не может быть противопоставлена целесообразности. Поэтому недопустимо отступление от указаний закона и, следовательно, от описанных в законе элементов состава преступления во имя так называемой «целесообразности». Высшая целесообразность находит свое выражение в исполнении советских законов, в укреплении социалистической законности.

Вместе с тем необходимо учесть следующее. Материалистическая диалектика обязывает к изучению и оценке явлений в конкретных условиях места и времени. Этому требованию марксистской методологии, положенному в основу всех научных дисциплин и теоретических исследований, в полной мере должна отвечать и деятельность государственных органов, в том числе и органов социалистического правосудия.

Конечно, определения уголовного закона должны быть в величайшей степени ясны и точны: чем точнее в законе описаны элементы состава преступления, тем легче и лучше исполнять закон. Но точность составов и конкретность его элементов отнюдь не требуют включения в закон указаний, заранее формально связывающих судью в такой мере, что он оказывается лишенным права и возможности учитывать конкретные особенности каждого дела.

В огромном большинстве случаев фактические признаки преступления – элементы его состава («покупка» и «продажа», «заведомо ложные измышления», «уничтожение и повреждение» и т. д.) четко указаны в законе, и задача суда заключается лишь в проверке и установлении того, имел ли место в действительности предусмотренный законом факт. В более сложных случаях суд при решении этого вопроса – вопроса факта – прибегает к помощи экспертизы.

Наряду с этим, однако, среди элементов состава, при помощи которых законодатель описывает конкретные преступные деяния, имеются и такие, содержание которых закон намеренно определяет в более общей форме. К такого рода элементам состава могут быть отнесены, например, такие предусмотренные законом признаки, как «тяжкие» последствия, «крупный» ущерб, «злостность» и т. п. Эти указания закона в системе социалистического уголовного права исполнены глубокого смысла: они непосредственно связаны с общими требованиями марксистской методологии – требованиями материалистической диалектики – оценивать явления в конкретных условиях места и времени. Поэтому раскрывать содержание таких элементов необходимо лишь на основе учета всех обстоятельств конкретного дела, которые законодатель предусматривает лишь в общей форме с тем, чтобы судья мог установить их наличие или отсутствие на конкретном материале рассматриваемого дела.

Советский закон не только предоставляет право суду в этих случаях решить вопрос о наличии или отсутствии того или иного элемента состава путем оценки всех обстоятельств дела, но и вооружает его для этой цели весьма важным орудием – ст. 6 УК РСФСР.

Принципиальной политической и правовой основой для материальной оценки отдельных элементов состава преступления служит материальное определение советским законом того общего понятия, раскрытию которого служат элементы состава, – понятия преступления.

Об этом говорит закон, об этом говорит судебная практика.

II

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г., направленный к охране социалистической собственности, повышает уголовную ответственность за крупное хищение социалистического имущества: наличие хищения в «крупных размерах», – как известно, существенно меняет квалификацию хищения и повышает его наказуемость.

Однако при всем значении этого элемента состава – крупного хищения – Указ от 4 июня 1947 г. не устанавливает его формальных граней (хищение на сумму свыше 10 тысяч или 20 тысяч и т. п.), как не приводит и Указ об ответственности за мелкие хищения государственного и общественного имущества от 10 января 1955 г. формальных граней мелкого хищения (до 100 руб., до 1000 руб. и т. п.)¹⁴. Советский закон не дает цифрового уточнения суммы похищенного, ибо одной цифрой похищенного, при всем ее значении, еще не всегда определяется степень общественной опасности содеянного, образующей существо каждого преступления. И в этом отнюдь не проявляется *разное* понимание закона и еще менее разная законность – калужская и рязанская; напротив, именно в этом проявляется *единое* применение закона, основанное на материальной оценке явлений, диктуемой материальным определением преступления. В этом нет своеволия судьи и в этом не только его *право* – в этом и его *обязанность*, предусмотренная *законом*: закон не раскрывает в цифрах значения «крупного» именно для того, чтобы суд это сделал на основе всесторонней оценки конкретного материала.

В этом отношении весьма показательным определением Транспортной коллегии Верховного Суда СССР от 25 октября 1955 г. по делу В. и Г. Они были осуждены Новосибирским линейным судом по Указу от 4 июня 1947 г. за то, что, работая шоферами ремонтно-восстановительного поезда на станции Издrevая Томской железной дороги, 28 февраля 1955 г. по сговору между собой похитили из гаража шесть рулонов толя, вывезли толь на автомашине, закрепленной за Г., и продали его за 100 руб., а вырученные деньги израсходовали на спиртные напитки.

Г., помимо этого, используя в корыстных целях закрепленную за ним автомашину, вывез на ней шлак и продал его за 80 руб.

Главный транспортный прокурор внес протест, в котором указывал на неправильность применения к В. и Г. ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. и считал возможным действия осужденных квалифицировать как *мелкое* хищение государственного имущества. Однако Транспортная коллегия Верховного Суда с протестом прокурора не согласилась. В своем определении по делу Г. и В. Транспортная коллегия указала:

«Ознакомившись с делом, Коллегия считает, что протест Главного транспортного прокурора не подлежит удовлетворению. В протесте ставится вопрос об изменении квалификации преступления осужденных *только исходя из стоимости похищенного толя*, без учета других обстоятельств совершенного преступления. Такую постановку вопроса нельзя признать правильной.

¹⁴ Как это устанавливало, например, дореволюционное законодательство, различая кражу на сумму до 300 руб., подсудную мировому суду, и кражу на сумму выше 300 руб., подсудную окружному суду с участием присяжных заседателей.

По делу установлено, что Г. и В. совершили хищение толя по предварительному сговору, заранее подготовив грузовую автомашину, на которой они вывезли кровельный толь. Хотя стоимость похищенного толя и составляет 172 р. 50 к., *однако хищение такого количества строительного материала нельзя признать мелким, наказуемым по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 10 января 1955 г.*».

Таким образом, Верховный Суд при квалификации хищения считает неправильным исходить только из стоимости похищенного «без учета других обстоятельств совершенного преступления». Это указание Транспортной коллегии Верховного Суда в полной мере основано на требованиях закона¹⁵.

Вынося приговор, суд руководствуется на основе ст. 45 УК РСФСР:

«а) указаниями Общей части настоящего Кодекса;

б) пределами, указанными в статье Особенной части, предусматривающей данный вид преступления;

в) *своим социалистическим правосознанием, исходя из учета общественной опасности совершенного преступления, обстоятельств дела и личности совершившего преступление*»¹⁶.

Закон предписывает суду в п. «в» ст. 45 не в общей форме руководствоваться своим «социалистическим правосознанием», а исходить «из учета общественной опасности совершенного преступления, обстоятельств дела и личности совершившего преступления». Следовательно, социалистическое правосознание – не «усмотрение» буржуазного судьи, творящего классовое правосудие: социалистическое правосознание должно покоиться на реальных фактах, на учете всех обстоятельств дела.

В этих законом предписанных пределах советский судья может и должен производить материальную оценку элементов состава преступления в конкретных условиях места, времени и всей обстановки совершенного преступления. Судебная практика идет именно этим путем.

В этом плане заслуживает особого внимания судебная практика по применению Указа от 10 июля 1940 г. «Об ответственности за выпуск недоброкачественной или некомплектной продукции и за несоблюдение обязательных стандартов промышленными предприятиями». Указ, как известно, вводит три элемента состава, характеризующие и ограничивающие круг субъектов, могущих нести ответственность за выпуск недоброкачественной продукции: эту ответственность по прямому указанию закона могут нести лишь директор предприятия, главный инженер, начальник ОТК. Верховный Суд с полным основанием неоднократно отмечал, что круг лиц, указанных в законе, не может подлежать *распространительному* толкованию. Так, в определении Уголовно-судебной коллегии от 18 декабря 1940 г. указано:

«К. признан виновным в том, что, работая на маслозаводе мастером-лаборантом, он в июле месяце 1940 года выпустил 179 кг сливочного масла с нарушением установленного стандарта (с пониженной жирностью).

Приговор подлежит отмене по следующим основаниям.

Указ от 10 июля 1940 г. к К. применен неправильно, так как в числе перечисленных в Указе должностных лиц, ответственных за выпуск недоброкачественной и некомплектной продукции, не указана та категория работников, к числу которой относится К.; поэтому он по Указу от 10 июля 1940 г. не мог быть осужден».

Таким образом, Верховный Суд с полным основанием не считает возможным привлекать к ответственности за выпуск недоброкачественной продукции лиц, не перечисленных в Указе

¹⁵ Равным образом и в определении по делу С. и Ю. 1955 года Судебная коллегия отвергла наличие мелкого хищения в действиях билетного кассира Ю. и контролера С., присвоивших путем использования своего служебного положения 416 р. 25 к. и покушавшихся присвоить еще 638 р. 25 к.

¹⁶ Глубоко правильно указывает проф. Н. Н. Полянский в вышедшей недавно монографии. «Только проникнутая социалистическим правосознанием деятельность судьи будет по праву называться социалистическим правосудием» («Вопросы теории советского уголовного процесса», изд. МГУ, 1956, стр. 176).

от 10 июля 1940 г.; тем поучительнее, что в самом понимании названных категорий должностных лиц (директор, главный инженер, начальник ОТК) Верховный Суд исходит всецело не из формальных номенклатурных показателей, а из материальной оценки фактически исполняемых лицом обязанностей.

Формальное толкование элементов состава, характеризующих субъекта выпуска недоброкачественной продукции, было отвергнуто постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 30 сентября 1949 г., указавшего:

«Некоторые же суды, неправильно и формально толкуя закон, полагают, что Указ от 10 июля 1940 г. не распространяется на тех руководящих работников предприятий, которые, выполняя по существу указанные функции, носят иное должностное наименование. Исходя из такой ошибочной точки зрения, суды не применяют Указа в тех случаях, когда, например, руководитель предприятия именуется не директором, а начальником; когда предприятием руководит председатель промысловой артели; когда на предприятии функции главного инженера выполняет технорук или заведующий производством; или когда под иным наименованием выступает должностное лицо, фактически выполняющее обязанности начальника отдела технического контроля. Такая неправильная практика, основанная на формальном толковании закона без учета его политического содержания, ведет к необоснованному освобождению от ответственности лиц, виновных в выпуске недоброкачественной продукции».

В связи с этим Пленум Верховного Суда СССР дал судам руководящее указание, в котором предложил судам привлекать к ответственности по Указу от 10 июля 1940 г. не только директоров, главных инженеров и начальников отдела технического контроля, виновных в выпуске недоброкачественной продукции, но *«также лиц иных должностных наименований, фактически выполняющих функции указанных должностных лиц»*.

Таким образом, согласно постановлению Пленума Верховного Суда, лица, формально не занимающие должности директора, главного инженера или начальника ОТК и, следовательно, формально не отвечающие признакам, характеризующим круг субъектов, могущих нести ответственность по Указу от 10 июля 1940 г., тем не менее, подлежат этой ответственности, ибо, не именуемые директорами, главными инженерами или начальниками ОТК, они *фактически* исполняют обязанности этих лиц. С другой стороны, суд не находит состава преступления в действиях лиц, которые формально хотя и состоят в соответственной должности, но фактически обязанностей по этой должности не исполняют.

Так, народный суд 2-го участка Шахтинского района г. Караганды в июле 1952 г. вынес оправдательный приговор по делу Л., начальника вентиляции шахты.

Л. обвинялся в том, что в нарушение своих прямых обязанностей не контролировал работу и качество обслуживания вентилятора в скиповом стволе, чем были созданы условия для устойчивости и концентрации газа метана, приведшие 1 апреля 1952 г. к его вспышке.

Суд установил, что Л. с 16 марта 1952 г. по 1 апреля 1952 г. (включительно) выполнял другую работу, а именно, был отозван в стройуправление для разработки шахстрой-финплана. Его же трудовые функции как начальника вентиляции шахты исполняли начальник шахты и начальники участков, которые должны были руководить и контролировать работу вентиляционной системы шахты.

Ясно, что при таких обстоятельствах Л. не должен отвечать за нарушение пыле-газового режима на шахте, повлекшее вспышку газа метана, ибо к этому нарушению он фактически не причастен¹⁷. В этом материальном понимании указаний закона нельзя усматривать распространительного или ограничительного толкования: здесь не *расширяется и не суживается, а раскрывается* подлинный смысл закона. Эти указания Верховного Суда имеют глубокое прин-

¹⁷ Архив народного суда 2-го участка Шахтинского района г. Караганды за 1952 г. (цитировано по диссертации Сергиевского «Уголовная ответственность за нарушение техники безопасности в угольной промышленности», 1956, стр. 98).

ципиальное значение и должны в полной мере учитываться теорией и судебной практикой в интересах укрепления социалистической законности.

С другой стороны, вызывает серьезные сомнения толкование Пленумом Верховного Суда понятия «выпуск». Действительно, в постановлении Пленума от 30 сентября 1949 г. указано судам, что «под выпуском продукции следует понимать как сдачу продукции заказчиком, так и случаи, когда продукция прошла отдел технического контроля и окончательно оформлена к сдаче». С таким расширяющим требованием законом «*выпуска*» продукции согласиться нельзя. Указание закона четко и ясно: необходим *выпуск* недоброкачественной продукции, иначе нет состава ст. 128-а. И столь же ясно, что пока продукция находится на предприятии, она *не выпущена*.

Заслуживает также внимания правильное понимание состава ст. 156 УК РСФСР, предусматривающей ответственность за оставление в опасности. Статья 156 УК РСФСР устанавливает ответственность за оставление в опасности при наличии двух условий: 1) возможности помочь и 2) обязанности помочь. Первое условие не вызывает затруднений. Суд без труда устанавливает, была ли возможность помочь пострадавшему. Сложнее второе условие: в каких случаях лицо *обязано* помочь. Не может вызвать сомнений, что эта обязанность имеет место во всех случаях, когда особые взаимоотношения или профессия ставят одно лицо в положение обязанного иметь заботу о другом (врач, проводник, няня и т. п.). Сложнее положение, когда этих особых взаимоотношений не существует. Можно ли в общей форме утверждать, что обязанность в смысле ст. 156 УК РСФСР немыслима вне этих взаимоотношений? Обратимся к следующим примерам.

Двое товарищей А и Б едут по уединенной дороге на велосипедах из колхоза в город. По дороге один по неосторожности налетает на дерево и падает. При падении получает тяжелое увечье – перелом ноги и ранение головы. Его попутчик Б торопится в город; оставив А без помощи лежать на месте аварии, Б уезжает. Имеется ли в действиях Б состав оставления в опасности, предусмотренный ст. 156 УК РСФСР? Б не проводник, не нянька и не врач. У него поэтому нет *специальной* правовой обязанности помогать А. Но нужно ли отсюда сделать вывод, что в конкретной обстановке поездки и падения А не лежит *обязанность* (не только моральная, но и правовая) помочь А? Материальное понимание обязанности как элемента состава преступления, предусмотренного ст. 156 УК РСФСР, обосновывает положительное решение этого вопроса: обязанность может возникать и из конкретных обстоятельств дела, из конкретных действий лица. Обратимся к другому примеру: А и Б, прекрасные пловцы, на лодке выезжают на середину реки и замечают тонущего человека, зовущего на помощь. Они имеют полную возможность помочь утопающему. Но они – не работники спасательной станции. Могут ли они на этом основании быть признаны свободными от обязанности в смысле ст. 156 УК РСФСР помочь утопающему? Кажется обоснованным и здесь материальное понимание обязанности, возникающей и обоснованной особыми обстоятельствами конкретного дела. Социалистическое правосознание советского судьи, решающего вопросы поведения и ответственности *советских* граждан, то есть граждан – *товарищей*, казалось бы, должно источник обязанности видеть не только в специально принятых на себя лицом обязательствах, но и в отдельных, конечно, ограниченных случаях, и в особой создавшейся обстановке.

Таким образом, не только при анализе и оценке *преступления* необходимо исходить из его материального содержания как общественно опасного действия. Этот важнейший принцип социалистического правосудия должен учитываться и при анализе и оценке *состава преступления и его отдельных элементов*; к пониманию состава преступления в целом и пониманию его отдельных элементов должен быть один и тот же подход, диктуемый понятием преступления как общественно опасного действия.

Необходимо отметить, что в одном из важных актов последнего времени – Указе Президиума Верховного Совета Союза ССР от 17 сентября 1955 г. «Об амнистии советских гражд-

дан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», в п. 7, предусмотрена также в общей форме ответственность советских граждан, находящихся за границей, за «тяжкие преступления против Советского государства», причем разрешение вопроса о том, какие преступные действия против Советского государства являются «тяжкими», предоставлено законом суду.

Глава седьмая

Классификация составов преступления

Состав преступления – понятие родовое. Как всякое родовое понятие состав преступления может распадаться и распадается на отдельные виды. Правильная классификация составов преступления – одно из важнейших условий правильного решения всей проблемы о составе преступления и один из ценных путей к правильному применению закона.

Для правильного решения вопросов классификации составов преступления необходимо, прежде всего, отвергнуть различие объективного и субъективного составов. Такое различие находится в полном и явном противоречии с учением о составе преступления как о совокупности *всех – и субъективных, и объективных* – элементов преступного действия. Правильно указывает проф. А. А. Герцензон, что «состав преступления в советском уголовном праве включает в себя как объективные, так и субъективные признаки в их неразрывной связи и взаимодействии»¹⁸. При этом понимании различие субъективного и объективного состава является не формой классификации *составов*, а попыткой расчленить, расколоть *единое* понятие состава на *два отдельных состава* – объективный и субъективный¹⁹. *В действительности можно говорить о субъективных и объективных элементах состава, но двух составов – субъективного и объективного – в одном преступлении быть не может: одному конкретному преступлению всегда соответствует единый состав.*

Неправильным является также различие общего и специального состава. Ошибочное различие общего и специального состава проводилось почти всеми дореволюционными криминалистами – авторами учебников уголовного права. Такого различия придерживались проф. Кистяковский, Таганцев, Белогриц-Котляревский, Пусторослев и др.²⁰

В действительности при анализе состава преступления задача заключается не в установлении его общих или специальных элементов. Состав один и не может быть расчленен на два состава – общий и специальный. Там, где имеется состав преступления, неизменно встает вопрос об уголовной ответственности и наказании. Содержатся ли эти черты в том, что ряд авторов называет «общим» или «абстрактным» составом, в отличие от состава конкретного или специального? Общий состав уголовной ответственности за собой не влечет и влечь не может.

Представляя собой совокупность элементов *конкретного преступления*, состав не может ни в одном своем «роде» или «виде» быть общим. *Состав преступления всегда реален, всегда конкретен.*

В действительности за термином «общий» (или «абстрактный») состав скрывается не классификация составов, не отдельные виды составов преступления, а совершенно иное – *общее понятие* состава: подобно тому, как преступление может быть определено в общей форме как общественно опасное, противоправное и виновное действие и в конкретной форме – как кража, убийство и т. д., так и состав преступления может быть определен в общей форме как совокупность элементов преступного действия и в конкретной – как совокупность элементов убийства, кражи и т. д. И подобно тому, как неверно было бы утверждение, что преступ-

¹⁸ «Уголовное право. Общая часть». Юриздат, 1948, стр. 284.

¹⁹ Так и болгарский профессор Долапчиев различает «абстрактные» составы, «объективные» и «субъективные» составы («Наказательно право», 1945, стр. 55).

²⁰ Проф. А. Ф. Кистяковский, Элементарный учебник общего уголовного права, 1875, стр. 59–60; Н. С. Таганцев, Уголовное право. Общая часть, вып. II, 1888, стр. 382; Л. Г. Белогриц-Котляревский, Учебник русского уголовного права. Общая часть, 1903, стр. 105; И. И. Пусторослев, Русское уголовное право, 1912, стр. 193. «Учебник уголовного права» проф. Немировского, изданный в 1919 году, также различает «общий и особенный» составы преступлений и, кроме того, «объективный и субъективный составы» (стр. 68).

ление бывает двух родов – общее и специальное, – столь же ошибочно утверждать, что составы бывают двух родов – общий и специальный, или абстрактный. Здесь, таким образом, смещены два различных понятия: понятие общего состава и общее понятие состава преступления.

Если в отмеченном выше различии субъективного и объективного составов преступления выражаются попытки искусственного расчленения *единого* понятия состава, то в различении общего и специального состава делается попытка искусственно расчленить *конкретный* состав путем выделения из него общего состава. Так как состав преступления и един, и конкретен, то обе отмеченные попытки классификации составов преступления классификации составов вообще собой не представляют и представлять не могут.

Отсюда необходимо сделать следующий вывод: предметом классификации должны и могут служить лишь составы преступлений в их единственно мыслимой форме – в форме составов конкретных преступных деяний.

Необходимо отметить и другое. Порой делается попытка из общей массы составов выделить особую группу так называемых «усеченных» составов. В качестве примера деликта с усеченным составом фигурирует обычно ст. 154 УК РСФСР, карающая самое склонение к сожигательству лица, материально или по службе зависимого, хотя бы сожигательство и не имело места. Выделение «усеченных составов» основано на явном недоразумении и способно вести к серьезным ошибкам судебной практики. Состав всегда един и всегда «полон» теми конкретными элементами, из которых он по закону слагается. Отсутствует один из этих элементов – нет состава; имеются все элементы – имеется всегда «весь», «полный» состав. Половинчатого, частичного, «усеченного» состава быть не может. Совершенно также решается вопрос о конструкции ст. 154 УК РСФСР; если доказано: 1) склонение, 2) к вступлению в половую связь, 3) лица, материально или по службе зависимого, то имеется полностью «весь», а не усеченный состав. Если какого-либо из названных трех элементов нет, – нет и состава.

Говоря об усеченном составе, авторы, видимо, стремятся лишь подчеркнуть, что для состава ст. 154 УК РСФСР нет необходимости в фактическом вступлении в половую связь. Но это ясно из самого текста закона, описывающего состав этого преступления.

Если же следовать приведенному различию и признавать «усеченными» все те составы, которые, по мнению некоторых теоретиков, не содержат всех элементов состава, то пришлось бы объявить усеченным составом и «угрозу», предусмотренную ст. 731 УК РСФСР, и даже злоупотребление властью, которое могло привести, но не привело к вредным результатам, и многое другое. Столь же лишено основания мнение, будто существуют «усеченные» составы в том смысле, что отсутствует не последствие, а какой-то иной элемент состава, кажущийся авторам для данного состава нужным.

Далее, предположение о существовании «усеченных» составов логически предполагает существование какой-то средней нормы составов, ниже которой, очевидно, и опускается так называемый «усеченный состав», а с другой стороны, и существование, так сказать, «переполненных» составов, в которых количество элементов превышает «норму». Однако хорошо известно, что никаких средних «нормальных» составов не существует и существовать не может: как не существуют и составы с «переполнением» элементов. Состав преступления таков, каким он описан в законе²¹.

²¹ Весьма своеобразное решение вопроса об «усеченных» составах стремится дать проф. Н. Д. Дурманов в вышедшей в 1955 г. работе «Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву». Действительно, проф. Н. Д. Дурманов признает, что «термин усеченные составы весьма неточен». Поэтому «вместо усеченных составов лучше говорить о составах, в которых момент окончания преступления перенесен на более раннюю стадию, когда виновный еще не закончил действий, выражающихся в посягательстве на объект» (стр. 43). Говоря о том, что такого рода составом является бандитизм, автор полагает, что организация банды и вступление в банду по существу является только приготовлением к нападениям» (стр. 44). Здесь уголовно-правовое понятие – приготовления, как определенная законом стадия совершения преступления, смешано с приготовительными действиями в обычном житейском смысле. В результате такого мнения оказывается, что в то время, как закон (ст. 59³ УК РСФСР) рассматривает организацию банды и вступление в банду как оконченное преступление, проф. Н. Д.

Можно отыскивать значительное количество оснований для классификации. Некоторые из них в известной мере не лишены интереса. Так, например, можно различать составы, предполагающие умышленную вину, и составы, элементом которых является вина неосторожная; или составы, предполагающие положительный акт, и составы, элементом которых является бездействие. Однако такого рода «классификация» на деле выражалась бы или в простом перечне статей, предусматривающих те или иные составы, или в механической группировке составов по указанным признакам (составы, требующие умысла, составы, требующие неосторожности, и т. д.). Между тем задача классификации – вскрыть и рассмотреть некоторые существенные черты, характеризующие определенные группы явлений в интересах их лучшего понимания.

В уголовных кодексах капиталистических стран принято делить все составы преступлений на две или три группы. Так, французский Уголовный кодекс 1810 г. различает три вида преступления: преступление, проступок и нарушение; швейцарский Уголовный кодекс 1937 г. – два вида: преступления и проступки. Русское дореволюционное Уголовное Уложение 1903 г. различало три вида наказуемых деяний: тяжкие преступления, преступления и проступки. Проникнутое в интересах осуществления классового правосудия формализмом (формальное определение преступления, формальные грани приготовления и покушения, формальное разграничение ответственности соучастников) буржуазное законодательство ввело двойное и тройное деление преступления по формальному признаку – по санкции, угрожающей за те или иные группы преступлений. Так, Уголовное Уложение 1903 г. к тяжким преступлениям относил преступные деяния, за которые в законе определены как высшее наказание – смертная казнь, каторга или ссылка на поселение; к преступлениям – преступные деяния, за которые в законе определены как высшее наказание – заключение в исправительном доме, крепости или тюрьме, и, наконец, к проступкам – преступные деяния, за которые в законе определены как высшее наказание – арест или денежная пеня. В известной мере, конечно, деление всех преступных деяний на тяжкие преступления, преступления и проступки отражало большую или меньшую опасность для господствующих классов преступных деяний, отнесенных к категории тяжких преступлений. Но какой бы то ни было *классификации* и составов преступлений здесь усмотреть нельзя: здесь лишь формально разграничены – по признаку санкций – отдельные группы преступных деяний. Всецело покоящиеся на материальном понимании преступления и материальной конструкции всех институтов уголовного права советское уголовное право последовательно не знает деления преступных деяний на тяжкие, менее тяжкие и проступки.

Как известно, все составы преступлений описаны и собраны в Особенной части. В связи с этим одной из важнейших задач является классификация составов как основа надлежащего построения системы Особенной части.

Другие виды классификации должны быть построены на учете конкретных черт составов, характеризующих, с одной стороны, их общественную опасность, с другой – их юридическую структуру. Таким образом, необходимо различить три вида классификации составов: 1) классификация составов как основание для построения системы Особенной части²² Уголовного кодекса, 2) классификация составов по степени общественной опасности охватываемых ими преступных действий и 3) классификация составов по их юридической структуре.

Дурманов считает их «по существу приготовлением». В действительности ни терминологически, ни по существу усеченных составов не существует.

²² В плане настоящей работы мы не касаемся вопросов системы Общей и Особенной частей, требующих специального исследования.

II

Классификация составов преступления как основание для построения Особенной части по существу представляет собой в известной мере²³ одновременно и классификацию составов по степени их общественной опасности: на первом месте предусмотрены наиболее общественно опасные государственные преступления, на втором – преступления против социалистической собственности и социалистической системы хозяйства и т. д. В настоящем разделе речь идет об ином – речь идет о различении отдельных более или менее опасных видов состава *одного и того же преступления*, например, убийства, телесных повреждений и т. д.

При классификации составов одного и того же преступления по степени их общественной опасности необходимо различать три их вида: 1) основной²⁴ состав, 2) состав более общественно опасный, 3) состав менее общественно опасный²⁵.

Действующее законодательство содержит много норм, могущих иллюстрировать это деление. Так, Уголовный кодекс предусматривает умышленное убийство в основной ст. 137 УК РСФСР; менее опасный вид умышленного убийства – убийства, совершенного в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, – в ст. 138 УК РСФСР; более опасный вид – ст. 136 УК РСФСР – убийство корыстное, из ревности, убийство общественно опасным способом и др. Злоупотребление властью, превышение власти, бездействие власти и халатное отношение к исполнению служебных обязанностей: основные составы ст. 109–111 УК РСФСР, менее опасный вид этих преступлений – ч. 2 ст. 112, более опасный – ч. 1 ст. 112 УК РСФСР. Умышленные легкие телесные повреждения закон предусматривает в качестве основного состава в ч. 2 ст. 143 УК РСФСР, менее опасного вида – в ст. 144 и более опасного – в ч. 1 ст. 143 УК РСФСР.

Не все составы распадаются на указанные три вида. Многие составы не знают этих подразделений вовсе (например, ст. 128-в и др.). Очень многие составы распадаются по степени опасности на *два* вида – *основной и более опасный* (к составам последнего рода относятся ст. 74 УК РСФСР – хулиганство, ст. 128 УК РСФСР – бесхозяйственность, ст. 153 УК РСФСР – изнасилование, ст. 164 УК РСФСР – покупка заведомо краденого) или *на основной и менее опасный* вид (к такого рода составам относится, например, ст. 120 УК РСФСР – должностной подлог). В других случаях Уголовный кодекс предусматривает несколько видов менее опасных составов. Так, Уголовный кодекс знал два состава *менее опасных* видов кражи – пп. «а» и «б» ст. 162 УК РСФСР, ныне поглощенные Указом от 4 июня 1947 г.

При построении системы Особенной части Уголовного кодекса встает частный вопрос о построении отдельных частей той или иной статьи Кодекса. Действующий Уголовный кодекс не придерживается единой системы при конструкции отдельных частей. Так, в ст. 142 УК РСФСР и других статьях вторые части представляют собой более общественно опасные действия (тяжкие телесные повреждения, повлекшие за собой смерть). Статья 120 УК РСФСР, наоборот, во второй части предусматривает менее опасный вид подлога – бескорыстный подлог.

²³ В известной мере, – так как отнюдь не вся система Особенной части построена по степени общественной опасности. Так, воинские преступления, занимающие в действующем Уголовном кодексе последнее место, конечно, не являются менее общественно опасными, чем, например, преступления против порядка управления или должностные преступления. Но посягательства на Советское государство, конечно, отводятся первое место ввиду особой опасности этих преступлений.

²⁴ В данном случае целесообразно пользоваться термином «основной». «Простой» состав непосредственно характеризует его конструкцию (см. ниже стр. 105).

²⁵ Нельзя в этих случаях говорить о едином составе, распадающемся на три вида: здесь три состава, поскольку различны элементы состава, характеризующие составы, – основной, более опасный и менее опасный. Едино здесь преступление – убийство, телесные повреждения и т. д. И здесь выступает различие между понятиями «состав» и «преступление»: преступление одно – убийство, но оно предусмотрено в форме нескольких составов (ст. 136, 137, 138 и 139 УК РСФСР). Это положение имеет весьма существенное значение при разрешении проблемы соучастия (см. ниже, стр. 275).

Правильной кажется система, при которой закон от менее опасных составов переходит к более опасным. Следовательно, вторые и последующие части должны предусматривать нарастающие по общественной опасности деяния.

Такова именно и конструкция Указа от 4 июня 1947 г. об уголовной ответственности за хищение социалистической и личной собственности и Указа от 10 января 1955 г.: в них более общественно опасные виды хищения предусмотрены во вторых частях.

В ряде случаев закон не выделяет специальных составов большей или меньшей общественной опасности, а в общей форме говорит о составах и санкциях при наличии *смягчающих* или *отягчающих* обстоятельств. Так, ст. 59⁸ УК РСФСР предусматривает возможность смягчения наказания за подделку и сбыт фальшивых денег «при смягчающих обстоятельствах». В других случаях Уголовный кодекс говорит, напротив, о повышении наказания «при особо отягчающих обстоятельствах». Таковы ст. 58¹¹ (контрреволюционный саботаж), 59³ (бандитизм), 59² (массовые беспорядки), 59³⁶ (разрушение или повреждение путей сообщения), 59^{3г} (нарушение работниками гражданской авиации служебных обязанностей), ст. 59⁶ (отказ или уклонение в условиях военного времени от внесения налогов), ст. 59⁷ (пропаганда или агитация, направленные к возбуждению национальной или религиозной розни), ст. 59⁹ (квалифицированная контрабанда) и другие статьи УК РСФСР. Особенность конструкций составов со ссылкой на смягчающие или отягчающие признаки даны не конкретно (например, при наличии промысла, как это имеет место в ст. 164 УК РСФСР), а в общей форме: установление конкретного содержания смягчающих или отягчающих обстоятельств всецело предоставлено суду. В этих именно случаях законодатель не выделяет более или менее опасного вида состава в самостоятельную норму, а ограничивается ссылкой на смягчающие или отягчающие обстоятельства в санкции.

Весьма сложной, но вместе с тем весьма важной для понимания природы составов преступления в социалистическом уголовном праве является классификация составов по их *конструкциям*. Законодатель при конструкции состава, – и это особенно важно учесть при разработке нового Уголовного кодекса, – пользуется различными методами. Чтобы систематически изучить эти методы и тем самым обеспечить правильное применение советского закона, необходимо прежде всего различать составы: 1) простые и 2) сложные.

Далее внутри групп простых и сложных составов необходимо различать подгруппы, отличающиеся каждая своими специфическими чертами.

Среди составов простых необходимо различать составы: 1) описательные и 2) бланкетные.

1. Простые составы

а) Описательные составы

Язык закона всегда должен быть скупым, сжатым и точным. Эти требования находят свое прямое выражение в конструкции простых описательных составов: элементы таких составов описаны законом, но описаны с максимальной сжатостью и четкостью. Образцом простого описательного состава может служить состав незаконного лишения свободы, определенный ст. 147 УК РСФСР как «насильственное незаконное лишение кого-либо свободы», или состав клеветы, определенный ст. 161 УК РСФСР как «распространение заведомо ложных, позорящих другое лицо сведений». Возможны, конечно, трудности в понимании и истолковании элементов простого состава: так, например, требует внимательного анализа элемент «злость»

в простом описательном составе ст. 158 УК РСФСР – злостный неплатеж алиментов. Но эти трудности связаны не с законодательной структурой состава, а с неясностью употребленного законом термина или понятия (в ст. 158 УК РСФСР понятие «злостный»).

В конструкции всех описательных составов путь законодателя один: в самой уголовно-правовой норме содержатся элементы, характеризующие тот или иной состав. Иным путем идет законодатель в конструкции составов бланкетных.

б) Бланкетные составы

Отличие бланкетных составов от описательных заключается в том, что в нормах, содержащих описание бланкетных составов, закон не дает определения преступления, а ограничивается ссылкой на другие нормы. Примерами бланкетных составов по действующему советскому законодательству могут служить ст. 105 УК РСФСР, устанавливающая уголовную ответственность за нарушение правил о торговле, ст. 59⁹ и 83 УК РСФСР, карающие контрабанду, ст. 59¹¹

УК РСФСР, предусматривающая нарушение монополий внешней торговли, ст. 100 УК РСФСР – нарушение акцизных правил или правил об особом патентном сборе, ст. 75³, 181 УК РСФСР и некоторые другие.

Поскольку бланкетные нормы не определяют состава преступления, это определение следует искать в тех законах и правилах, на которые ссылается бланкетная норма²⁶.

Так, при определении состава ст. 105 УК РСФСР необходимо исходить из содержания законов и правил, регулирующих торговую деятельность, при разрешении вопроса о наличии состава контрабанды – из определения этого преступления, данного в Таможенном кодексе СССР, и т. д. В приведенных примерах бланкетный характер имеет весь описанный в диспозиции состав. В других случаях бланкетным является *не весь* состав, а лишь *отдельные его элементы*: примерами таких составов может служить ст. 86 УК РСФСР, карающая «производство рыбного, звериного и других водных добывающих промыслов в морях, реках и озерах, имеющих общегосударственное значение, без надлежащего на то разрешения, либо в *запретное время*, либо в *недозволенных местах* и *недозволенными орудиями*, способами и приемами» (разрядка моя. – А. Т.).

Как видно из приведенного текста, значительное число элементов состава преступления, предусмотренного ст. 86 УК РСФСР, непосредственно описано законом; к этим элементам относятся: 1) производство добывающих промыслов, рыбного, звериного и других водных промыслов, 2) в морях, реках и озерах, имеющих общегосударственное значение. Но закон (ст. 86) не указывает, *какое* именно время, *какие* места и *какие* орудия являются «запретными». Ответ на эти вопросы и, следовательно, содержание этих элементов состава следует искать в специальных правилах, регулирующих производство рыбного, звериного и других водных добывающих промыслов. Таким образом, бланкетные составы разнообразны, в некоторых из них бланкетным является весь состав, в других – отдельные его элементы.

Разумеется, и бланкетные составы по содержанию своему порой очень сложны, поскольку они отсылают к другим нормам. Так, например, определение квалифицированной контрабанды, содержащееся в ст. 166 Таможенного кодекса СССР, довольно сложно²⁷. Но здесь

²⁶ Именно потому соответствующие диспозиции закона и носят название бланкетных, что элементы состава в них описаны бланкетно.

²⁷ Согласно ст. 166 Таможенного кодекса СССР квалифицированной контрабандой является: а) перемещение грузов помимо таможенных учреждений с помощью специально для этой цели предназначенных перевозочных средств; б) сокрытие контрабандных грузов в помещениях, особо для их сокрытия приспособленных; в) контрабанда, связанная с подделкой таможенных документов или прикрытием груза документами, относящимися к другому грузу; г) участие в организации, специально занимающейся контрабандой; д) совершение контрабанды вооруженными лицами; е) совершение контрабанды должностным лицом, непосредственно связанным с таможенным лицом, имевшим возможность использовать для целей контрабанды свое

сложность определяется не структурой состава в диспозиции уголовного закона (ст. 59⁹ УК РСФСР), а редакцией этого закона (ст. 166 Таможенного кодекса СССР), на который в диспозиции содержится ссылка.

Простые составы порой выступают в законе *соединенными* в одной диспозиции. Так, в ст. 111 УК РСФСР соединены два простых состава – бездействие власти и халатность; в ст. 158 УК РСФСР – злостный неплатеж средств на содержание детей, а равно оставление родителями детей до их совершеннолетия без всякой поддержки.

Особенности соединенных составов практически выражаются в том, что для обоснования уголовной ответственности в этих случаях достаточно наличия *любого* из составов, указанных в диспозиции соответственной статьи Уголовного кодекса, например, халатности или бездействия, предусмотренных ст. 111 УК РСФСР.

2. Сложные составы

Сложные описательные составы весьма часто встречаются в законе. Их анализ вместе с тем представляет наибольшие трудности, поскольку словесное выражение законодательной мысли в них осложнено рядом привходящих моментов. В интересах более тщательного изучения составов более сложной законодательной конструкции необходимо и среди них различать несколько групп.

Сюда относятся: а) альтернативные составы, б) составы с двумя действиями, в) составы с двумя формами вины, г) составы с двумя объектами. Обратимся к анализу первой группы – альтернативных составов.

а) Альтернативные составы

Как подробнее было развито выше, для наличия состава каждого преступления необходимо наличие всех без исключения элементов, образующих по закону данный состав. Практическая важность различения особой группы *альтернативных* составов заключается в том, что здесь для обоснования уголовной ответственности нужно наличие *не всех* названных в законе элементов состава, а *одних или других*. Так, для наличия состава шпионажа, согласно ст. 586 УК РСФСР, достаточно *или* передачи, *или* похищения, *или* собирания с целью передачи сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной. Аналогично ст. 78 УК РСФСР карает похищение, *или* повреждение, *или* сокрытие, *или* уничтожение официальных или частных документов из государственных учреждений, ст. 149 УК РСФСР – похищение, *или* сокрытие, *или* подмен чужого ребенка.

Альтернативные составы в тексте закона не всегда находят редакционное выражение в прямом указании – «или». Так, ст. 79¹ УК РСФСР устанавливает: «Хищнический убой и умышленное изувечение скота, а *также* подстрекательство к этому других лиц с целью подрыва коллективизации сельского хозяйства и воспрепятствования его подъему» караются лишением свободы с высылкой или без таковой. Здесь также по существу состав альтернативный: для ответственности по ст. 79¹ УК РСФСР достаточны хищнический убой, *или* умышленное изувечение скота, *или* подстрекательство к этому других лиц, хотя в тексте диспозиции указания «или» нет.

служебное положение; ж) контрабанда, совершенная более двух раз в течение трех лет, а также хранение, перевозка или торговля заведомо контрабандными грузами в виде промысла; з) контрабанда взрывчатых веществ и оружия, воинского снаряжения, воздушных судов, телеграфного и радиотелеграфного имущества и вывоз аннулированных ценных бумаг; и) занятие в виде промысла незаконным вывозом и ввозом, пересылкой и переводом за границу и из-за границы валютных и фондовых ценностей». Это целая серия преступных действий, объединенных одним понятием – квалифицированная контрабанда.

В приведенных случаях альтернативным является элемент состава, выражающийся в определенном *действии* – похищении, хранении, убое и т. д. В ряде других случаев альтернативным является наступление того или иного *последствия*. Так, ч. 1 ст. 59^{3в} УК РСФСР предусматривает в качестве элемента состава наступление одного из следующих последствий: повреждение подвижного состава или его уничтожение, *или* несчастные случаи с людьми, *или* несвоевременная отправка поездов и судов, *или* скопление на местах выгрузки порожняка, *или* простой вагонов и судов.

Альтернативными, наконец, могут быть не только действие и последствие, но и иные элементы состава. Так, в ч. 2 ст. 175 УК РСФСР альтернативно сконструированы: *способ* действия (путем поджога, затопления *или* каким-либо иным общепасным способом); в ч. 2 ст. 58¹⁰ УК РСФСР обстановка преступления (при массовых волнениях *или* в военной обстановке, *или* в местностях, объявленных на военном положении); в ст. 149 УК РСФСР мотив преступления (с корыстной целью *или* из мести, *или* иных личных видов).

Наконец, альтернативно может быть указан и субъект преступления в тех случаях, когда речь идет о круге специальных субъектов²⁸. Так, согласно ст. 95 УК РСФСР за ложное показание несут уголовную ответственность свидетель, эксперт *или* переводчик, по ст. 130 УК РСФСР за расточение государственного или общественного имущества – арендатор *или* уполномоченный юридического лица.

Необходимо также отметить, что в ряде случаев, особенно когда речь идет о составах более опасных преступлений, в качестве элементов, квалифицирующих ответственность, могут альтернативно фигурировать признаки различного значения, признаки, характеризующие объективную или субъективную сторону состава. Так, Указ от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственной и общественной собственности» повышает уголовную ответственность, если хищение социалистической собственности совершено группой *или* повторно, *или* в крупных размерах.

Во всех случаях, когда речь идет об альтернативных составах, для наличия состава преступления достаточно одного – любого из альтернативно указанных элементов. Так, для состава ст. 78 УК РСФСР достаточно любого из предусмотренных законом действий – повреждения *или* сокрытия, *или* уничтожения официальных документов.

б) Составы с двумя действиями

Другую группу сложных описательных составов образуют составы, предусматривающие совершение не одного определенного действия и не альтернативно одного или другого действия, а совершение двух или более действий.

Известны случаи, когда преступления состоят из нескольких актов, например, нанесение побоев, предусмотренное ст. 146 УК РСФСР. При классификации сложных составов преступления по признаку множественности действий речь идет о другом. Здесь отдельный акт, отдельное действие не образует состава (как, например, образует растрату или кражу каждый отдельный акт растраты или кражи); только совокупность предусмотренных законом действий, обычно по содержанию разнородных, способна образовать соответственный состав. Примером такого типа составов может служить ст. 107 УК РСФСР, карающая скупку и перепродажу частным лицам в целях наживы предметов широкого потребления или сельскохозяйственных продуктов. Для оконченного состава ст. 107 УК РСФСР недостаточна скупка *или* продажа: только сочетание обоих действий, обоих элементов – скупки и перепродажи – может при наличии других элементов образовать состав ст. 107 УК РСФСР.

²⁸ О специальных субъектах см. ниже, стр. 190.

Близкой по конструкции к этой группе составов является ч. 2 ст. 110 УК РСФСР, предусматривающая превышение власти, сопряженное с насилием против отдельных граждан. Здесь также для ответственности необходимо наличие обоих действий – превышения власти и насилия. Особенность ч. 2 ст. 110 УК РСФСР заключается лишь в том, что первое действие, согласно ч. 1 ст. 110 УК РСФСР, образует самостоятельный состав.

В составах с двумя действиями своеобразно решается вопрос о *стадиях* совершения преступления. Как известно, в составах обычного типа, характеризующихся наличием одного действия, вопросы приготовления, покушения и оконченного преступления решаются применительно к характеру и степени осуществления этого действия. Иное положение возникает в составах с двумя действиями: здесь одно *оконченное* действие может являться *приготовлением* к совершению соответственного преступления. Это положение можно иллюстрировать практикой применения ст. 107 УК РСФСР.

Как было отмечено выше, состав ст. 107 УК РСФСР предполагает наличие двух действий: 1) скупки и 2) перепродажи. Законченное первое действие – скупка – при отсутствии второго действия – перепродажи – при наличии всех других элементов состава, предусмотренного ст. 107 УК РСФСР, дает основание говорить об ответственности за приготовление к спекуляции по ст. 19 и 107 УК РСФСР.

в) Составы с двумя формами вины

По общему правилу, вина (умысел или неосторожность) в каждом составе всегда едина и единственна. В огромном большинстве случаев положение действительно таково: так, состав ст. 136 УК РСФСР (убийство) предполагает прямой умысел, состав ст. 128 УК РСФСР (бесхозяйственность) – неосторожную вину и т. д. Однако в некоторых составах – в этом именно их большая сложность – может быть отмечено наличие не одной формы вины, а двух: неосторожности плюс неосторожность или умысла плюс неосторожность. Эти составы немногочисленны в Уголовном кодексе, но они играют весьма значительную роль в судебной практике и требуют надлежащего анализа.

К этой группе состава должна быть отнесена, прежде всего, ст. 59^{3в} УК РСФСР. Состав, предусмотренный ст. 59^{3в} УК РСФСР, и логически, и фактически раскалывается на две части, как бы на две стадии: нарушение работниками транспорта трудовой дисциплины и наступление особо предусмотренных в законе последствий (крушение поезда, несчастные случаи с людьми и др.). Соответственно раскалываются и формы вины: вина в отношении нарушения дисциплины на транспорте и вина в отношении наступивших или возможных последствий²⁹. Обратимся к следующим примерам.

Машинист Иванов видел, что семафор закрыт, и, тем не менее, не остановил поезда в надежде, что все обойдется благополучно. Однако произошло столкновение, и два вагона были разбиты. В этом примере *умышленное* нарушение трудовой дисциплины (намеренный проезд при закрытом семафоре) сочетается с *неосторожным* причинением вредных последствий (раз-

²⁹ Само собой понятно, что сочетание двух форм вины мыслимо лишь в сложных составах описанного типа: этим они и сложны. В других случаях формой вины может быть или умысел, или неосторожность: мешанина из умысла и неосторожности недопустима. С полным основанием поэтому Судебная коллегия Верховного Суда СССР в определении от 10 октября 1945 г. по делу А. нашла: «А. признан виновным в том, что он, работая заведующим фермой колхоза, халатно относился к своим обязанностям и вследствие этого допустил недостачу 102 кг масла и двух голов крупного рогатого скота». В приговоре народного суда указано: «Из числящихся за ним 102 кг масла по устному распоряжению отпустил 70 кг бывшему председателю сельсовета В., а 32 кг масла присвоил, что и сам подтвердил. Таким образом, колхозу причинил ущерб в денежном выражении в сумме 42 577 руб. Однако в действиях А. не было присвоения, а он проявил бесхозяйственность». Таким образом, приговор народного суда содержит в себе противоречия. С одной стороны, указывается на присвоение А. масла и незаконную выдачу масла председателю сельсовета, а, с другой стороны, в приговоре утверждается, что недостача масла произошла вследствие халатности обвиняемого, причем не указано, в чем же именно выразилась эта халатность.

битые вагоны). Другой вариант: машинист, не осмотревшись надлежащим образом, не заметил, что семафор закрыт, поезда не остановил, и наступили те же вредные последствия. В этом втором случае *неосторожное* нарушение трудовой дисциплины сочетается с *неосторожным* причинением вредного результата. Таким образом, состав ст. 59^{3в} УК РСФСР при наступлении вредных последствий непременно предполагает две формы вины: умысел плюс неосторожность или неосторожность плюс неосторожность³⁰.

В приведенных примерах непосредственно и немедленно вслед за нарушением трудовой дисциплины наступают вредные последствия; однако такая последовательность отнюдь не характерна для составов, содержащих две формы вины. Напротив, в этих случаях действие и последствия – нарушение трудовой дисциплины на транспорте и ущерб транспорту – чаще всего разорваны во времени и в пространстве: например, плохой ремонт был произведен в январе 1940 г. в Серпухове, а крушение имело место в ноябре 1940 г. в Казани.

Социалистическому уголовному праву чуждо объективное вменение – вменение без вины. Однако редакция некоторых статей Уголовного кодекса может ошибочно служить поводом к недооценке этого важнейшего принципа социалистического уголовного правосудия. Учет конструкции сложных составов, элементами которых являются две формы вины, устраняет это недоразумение. Для иллюстрации этого положения обратимся к ст. 142 УК РСФСР.

Статья 142 УК РСФСР предусматривает умышленное тяжкое телесное повреждение. Часть 2 ст. 142 УК РСФСР повышает наказание, «если от такого повреждения последовала смерть». Закон при этом особо не упоминает о необходимости *виновного* причинения смерти лицом, умышленно нанесявшим тяжкое телесное повреждение. Однако совершенно очевидно, что здесь при установлении ответственности за смерть, как и во всех случаях уголовной ответственности, необходима в силу ст. 10 УК РСФСР вина, необходимо виновное причинение смерти. Полную ясность в это положение и вносит учет того, что ч. 2 ст. 142 УК РСФСР представляет собой также сложный состав – состав с двумя формами вины: умышленное тяжкое телесное повреждение плюс неосторожное причинение смерти³¹. Отсюда практический вывод: если на стороне Иванова, умышленно нанесявшего тяжкое телесное повреждение, нет неосторожного причинения смерти (Иванов умышленно нанес Петровой тяжкое телесное повреждение; по дороге в больницу карета скорой помощи столкнулась с грузовой машиной, и Петрова была убита), действия Иванова следует квалифицировать по ч. 1 ст. 142 УК РСФСР.

Совершенно такова же конструкция ч. 1 ст. 112 УК РСФСР: с одной стороны, действие (бездействие) – выразилось в превышении власти (бездействии власти) или халатном отношении к служебным обязанностям (здесь форма вины – умысел или неосторожность), с другой стороны, – развал центрального аппарата (форма вины – неосторожность). Таким образом, различие сложных составов содействует более правильному применению советских законов и, следовательно, укреплению социалистической законности.

г) Составы с двумя объектами

Как будет развито ниже, объект посягательства получает различное родовое или видовое выражение в зависимости от того, идет ли речь об определенном роде посягательств (например, преступлении против личности), или конкретном их виде (например, оскорблении). В сложных составах, для которых характерно наличие двух объектов, положение иное: в них *одно*

³⁰ Умышленного причинения ущерба здесь быть не может: умышленное причинение крушения образует состав диверсий или умышленного нарушения или повреждения железнодорожных и иных путей сообщения» и т. д. (ст. 5936 УК РСФСР).

³¹ Нельзя согласиться с утверждением проф. Н. Д. Дурманова, что «при нанесении тяжких телесных повреждений, причинивших смерть, деяние в целом должно считаться умышленным» («Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву», Госюриздат, 1955. стр. 121).

конкретное посягательство одновременно бьет по *двум объектам*, и в соответствии с этим *один* конкретный состав предполагает наличие *двух* разнородных объектов.

В качестве иллюстрации можно сослаться, прежде всего, на ст. 128-в УК РСФСР. Объектами в составе преступления, предусмотренного ст. 128-а УК РСФСР – обмеривания и обвешивания, являются, с одной стороны, интересы потребителей, с другой – интересы государства. Конечно, в социалистическом праве нет и не может быть противопоставления общегосударственных и индивидуальных интересов. Равным образом, бесспорно, что в некоторой мере каждое преступление есть посягательство на интересы государства. Однако особенность ст. 128-в УК РСФСР, определяющая сложную конструкцию ее состава, заключается именно в том, что здесь закон прямо указывает два объекта, *«обворовывание потребителей и обман государства»*.

Эта особенность в конструкции состава преступления, предусмотренного ст. 128-в УК РСФСР, имеет большое значение для судебной практики. Обратимся к следующему примеру.

Колхозник Иванов, продавая на рынке ему лично принадлежащие овощи, обвешивал покупателей. В этом случае, бесспорно, имеется *«обворовывание потребителей»*; следовательно, имеется ущерб, нанесенный первому объекту, предусмотренному ст. 128-в УК РСФСР. Однако ст. 128-в УК РСФСР говорит об обворовывании потребителей и обмане *государства*. Так как колхозник Иванов являлся частным лицом, а не служащим государственной или общественной организации, то в его действиях обмана *государства* нет. В таком случае и квалифицировать преступление Иванова по ст. 128-в нельзя: в его действиях имеется состав мошенничества, предусмотренного ст. 169 УК РСФСР.

В этом же плане заслуживает внимания состав хулиганства, в котором также могут быть установлены два объекта. Так, постановление Пленума Верховного Суда СССР от 4 мая 1939 г. по вопросу о составе хулиганства указало: «Не допускать необоснованной квалификации как хулиганства таких действий, которые представляют собой преступления, предусмотренные другими статьями Уголовного кодекса. Нанесение побоев, тяжких или легких телесных повреждений, оскорбление должны квалифицироваться по соответствующим статьям той главы Уголовного кодекса, которая предусматривает преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности (гл. VI УК РСФСР и соответствующие главы уголовных кодексов других союзных республик). Квалификация подобных действий по ст. 74 УК РСФСР может иметь место лишь в том случае, когда установлено, что эти действия совершены именно из озорства, в целях проявления явного неуважения к обществу, а не тогда, когда в их основе лежали мотивы, связанные с личными взаимоотношениями обвиняемого с потерпевшим».

Таким образом, Пленум Верховного Суда СССР с полным основанием и полной определенностью устанавливает, что для хулиганства недостаточно посягательства на личность; личность – лишь один из объектов, и только при наличии также и другого объекта, при одновременном причинении ущерба общественному правопорядку действия виновного надлежит квалифицировать как хулиганство по ст. 74 УК РСФСР.

Следовательно, учет особенностей конструкции некоторых составов, выражающихся в том, что в качестве элементов состава выступают не один, а два объекта, имеет непосредственное значение для судебной практики!

Сложные составы с двумя объектами не единичны в социалистическом уголовном праве. К таким составам, помимо хулиганства, обмеривания и обвешивания, должны быть отнесены разбой и вымогательство, объектами которых являются личность и имущество. Особенности этих составов могут привести к изменению системы распределения составов по отдельным главам Особенной части.

Таким образом, может быть намечена следующая классификация составов преступления:

I

ПО СТЕПЕНИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ

Менее общественно опасный (например, ст. 138 УК РСФСР)	Основной (например, ст. 137 УК РСФСР)	Более общественно опасный (например, ст. 136 УК РСФСР)
--	---------------------------------------	--

II

ПО СТРУКТУРЕ

ПРОСТЫЕ		СЛОЖНЫЕ			
Описательный (например, ст. 147 УК РСФСР)	Бланкетный (например, ст. 105 УК РСФСР)	Альтернативный (например, ст. 78 УК РСФСР)	С двумя действиями (например, ст. 107 УК РСФСР)	С двумя формами вины (например, ст. 59 ³ УК РСФСР)	С двумя объектами (например, ст. 74 УК РСФСР)

Глава восьмая

Классификация элементов состава преступления

Элементы состава преступления по своему содержанию весьма разнообразны. Закон предусматривает признаки, характеризующие субъекта преступления и его объект, ущерб, нанесенный преступлением, способ действий преступника, его мотивы и цели, и т. д. В интересах углубленного изучения элементов состава необходима их тщательная систематизация. Как построить систему элементов состава преступления?

Выше было указано, что различие объективных и субъективных признаков не может служить основанием для построения *общего учения* о составе преступления; оно не может также служить основанием для классификации *отдельных составов* преступления. Было бы, однако, бесспорным заблуждением делать отсюда общий вывод, что различие объективных и субъективных признаков вообще не играет роли в учении о составе преступления. Напротив, поскольку состав преступления включает в себя и объективные и субъективные элементы, поскольку, с другой стороны, в каждом составе всегда имеются признаки, характеризующие и объективную и субъективную стороны преступления, необходимо прийти к выводу, что классификация *элементов* состава по объективным и субъективным признакам находится в полном соответствии с фактическим содержанием и юридической природой составов преступления.

Такого рода система изучения элементов состава преступления помогает правильному пониманию и правильному применению закона, она, следовательно, служит делу укрепления социалистической законности; эта система воспринята и теорией социалистического уголовного права. Однако необходимо отметить, что при построении отдельных групп элементов состава преступления порой допускаются весьма существенные ошибки, вносящие путаницу в разрешение вопроса и тем самым подрывающие ценность самой системы. Так, учебник уголовного права (изд. 1948 г.), повторяя ошибки предыдущих трех изданий, утверждает: «Каждый состав преступления складывается из следующих четырех основных элементов: 1) объект преступления, 2) объективная сторона преступления, 3) субъект преступления и 4) субъективная сторона преступления»³².

С внешней стороны эта конструкция как будто воспринимает рациональную классификацию элементов состава по четырем группам – объекту, объективной стороне, субъекту и субъективной стороне. Однако учебником усвоена только внешняя сторона – схема; по содержанию же проведения в нем классификация повторяет ошибки дореволюционной литературы³³.

Существо вопроса заключается в том, что объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона, – вопреки утверждению учебника отнюдь не являются *элементами состава преступления*, таких элементов *состава* в природе не существует. Поэтому из них состав «слагаться» не может. На деле в *преступлении* можно и должно различать объект и объективную сторону, субъекта и субъективную сторону; в *преступлении*, а не в *составе*³⁴. Поскольку состав

³² «Уголовное право. Общая часть», Юриздат, 1948, стр. 283.

³³ Так, в «Элементарном учебнике общего уголовного права» проф. Кистяковского, изданном три четверти века тому назад, мы находим те же четыре основных элемента: «Существенно необходимые элементы, из которых складывается состав преступления как родовое понятие, – писал проф. Кистяковский в 1875 г., – следующие: а) субъект преступления, или совершитель преступления, б) объект, или предмет, над которым совершается преступление, в) отношение воли субъекта к преступному действию, или выраженная его деятельность (т. е. субъективная сторона. – А. Т.), самое действие и его следствие, или внешняя деятельность субъекта и ее результаты (т. е. объективная сторона. – А. Т.)». Все, что изменили авторы указанного учебника уголовного права в четырехчленном делении Кистяковского, – это расстановку членов: в советском учебнике на первое место выдвинуты объект и объективная сторона.

³⁴ В статье доцента Брайнина «Некоторые вопросы учения о составе преступления в советском уголовном праве» (Киевский университет, «Юридический сборник», 1950 г., № 4, стр. 53) верно отмечается, что «объект не является элементом состава преступления». Однако, далее, объект оказывается в трактовке автора каким-то загадочным «компонентом» состава.

преступления призван раскрывать конкретное содержание преступления, в составе можно и должно различать элементы, характеризующие *объект преступления* и его объективную сторону, *субъекта преступления* и его субъективную сторону.

Учебник общей части уголовного права (изд. 1952 г.) частью учел критику ложного отношения объекта и объективной стороны, субъекта и субъективной стороны к элементам *состава*. Однако и в новом издании запутывающее вопрос смешение состава преступления и преступления сохраняется. Действительно, учебник утверждает:

«Каждый состав преступления содержит в себе характеристику: 1) объекта преступления; 2) объективной стороны состава преступления; 3) субъекта преступления и 4) субъективной стороны состава преступления»³⁵.

Учебник, таким образом, пошел средним путем: об объекте и субъекте он говорит применительно к *преступлению*, а об объективной и субъективной стороне – применительно к *составу* преступления. При этом оказывается, что каждый состав преступления характеризует... объективную и субъективную сторону состава же. Совершенно очевидно, что лишенное единого основания двойственное различие – то признаков преступления, то признаков состава – исключает возможность правильной классификации элементов состава³⁶.

Как было указано выше, для правильной классификации элементов состава необходимо различать четыре группы элементов состава преступления: 1) элементы состава, характеризующие *объект* преступления; 2) элементы состава, характеризующие *объективную* сторону преступления; 3) элементы состава, характеризующие *субъекта* преступления; 4) элементы состава, характеризующие *субъективную* сторону преступления.

Приведенная классификация элементов состава преступления, как всякая юридическая классификация, не представляет собой, конечно, системы понятий, абсолютно и четко друг от друга отграниченных. Напротив, среди элементов состава имеются и такие, в которых сочетаются и объективные, и субъективные моменты. Так, в ряде случаев действующее советское законодательство предусматривает в качестве одного из элементов состава злость ч. 2 ст. 59^{3в} УК РСФСР – *зlostное* нарушение работниками транспорта трудовой дисциплины, ст. 158 УК РСФСР – *зlostный* неплатеж алиментов. Признак злости включает моменты и объективного, и субъективного характера. По поводу зlostного уклонения от платежа налогов или выполнения повинностей в военное время правильно отмечалось, что «зlostным следует, как правило, считать отказ или уклонение от платежа налогов или выполнения обязанностей при неоднократности отказа или уклонения, при отказе или уклонении по сговору нескольких лиц, при отказе или уклонении, сопровождавшимся сопротивлением представителям власти, попытками скрыть имущество, симуляцией болезни, подлогом документов, обманными действиями, наступлением в результате отказа или уклонения тяжелых последствий, заведомой, беспрепятственной возможности выполнения обязанностей и т. п.»³⁷. В этом перечне сочетаются признаки объективного и субъективного характера, охватываемые единым элементом

³⁵ «Советское уголовное право. Общая часть», Госюриздат, 1952, стр. 167.

³⁶ Видный криминалист Германской Демократической Республики Лекшас правильно различает объект преступлений, объективную сторону преступления, субъекта преступления и субъективную сторону преступления («Zum Aufbau der Verdrechenslehre...», 1952, S. 25). Следует отметить, что в изданном в 1955 г. «Курсе особенной части советского уголовного права» А. А. Пионтковского и В. Д. Меньшагина ошибка, допущенная учебниками общей части, существенно исправлена. Отказавшись от смешения понятий преступления и состава преступления, автор соответствующего раздела проф. А. А. Пионтковский пишет: «При анализе каждого состава преступления необходимо выяснение: а) объекта преступления, б) объективной стороны преступления, в) субъективной стороны преступления и г) субъекта преступления» (стр. 40). Однако, отдавая дань прежней путанице, автор тут же в явном противоречии с собственным утверждением добавляет: «Уяснение содержания этих признаков отдельных составов (курсив мой. – А. Т.) преступлений должно быть дано в связи с уяснением характера общественной опасности того или иного преступления и социально-политических задач борьбы с этими преступлениями, в связи с уяснением служебной роли соответствующих норм социалистического уголовного права».

³⁷ М. М. Исаев, Б. С. Утевский, М. М. Гродзинский, Законодательство по уголовному праву и процессу в период войны, Юриздат, 1943, стр. 5.

состава – злостностью. Тем не менее распределение элементов по четырем названным выше группам сохраняет в полной мере значение системы, облегчающей теоретический и практический анализ элементов состава преступления.

Каждая из названных четырех групп элементов состава требует самостоятельного рассмотрения. При этом необходимо иметь в виду следующее: в пределах общего учения о составе преступления задача исследования отдельных групп элементов не может, конечно, заключаться в разрешении общих уголовно-правовых проблем, например, проблемы юридического лица как субъекта преступления, и других. Идти этим путем – значило бы уйти в сторону от основных и весьма важных вопросов общего учения о составе к другим специальным проблемам общей части уголовного права.

I

Элементы состава, характеризующие объект преступления

1

Каждое преступление, выражается ли оно в действии или бездействии, всегда есть посягательство на определенный объект. Преступления, которое ни на что не посягает, в природе не существует.

Правильно поэтому указывает Н. И. Загородников, что объект преступления... позволяет определить, какое имело место преступление – дезертирство или хищение социалистической собственности, мошенничество или какое-нибудь иное преступление. Такое значение объекта преступления объясняется, прежде всего, тем, что действия людей сами по себе, в какой бы форме они выражены ни были, приобретают общественно опасный характер только в том случае, если эти действия угрожают реальному благу, пользующемуся охраной закона»³⁸.

Объектом посягательства в его конкретном жизненном воплощении могут быть как материальные, так и нематериальные ценности – политические, моральные культурные и иные. Об этом неоднократно и прямо говорит закон. Так, ст. 113 УК РСФСР предусматривает в качестве объекта «достоинство и авторитет» органов власти; ст. 159–161 УК РСФСР – достоинство личности и т. д. Общее значение объекта посягательства в системе социалистического уголовного права нашло свое четкое выражение в ст. 46 УК РСФСР, делящей все преступления, предусмотренные Уголовным кодексом, на две группы: а) направленные *против основ* советского строя, установленного в Союзе ССР властью рабочих и крестьян, и признаваемые в силу этого наиболее опасными, и б) все остальные преступления.

В марксистском понимании объектом всякого посягательства являются общественные отношения, установленные в интересах господствующего класса. Объектом преступления в системе социалистического уголовного права являются социалистические отношения.

Это положение отражено в законе (ст. 6 УК РСФСР)³⁹. Оно казалось общепризнанным в советской литературе⁴⁰. Однако в четвертом издании учебника «Уголовное право. Общая часть» (изд. 1948 г.) делалась попытка сочетать понимание объекта в социалистическом уголовном праве с формальной конструкцией. Действительно, «объектом всякого преступления, –

³⁸ Н. И. Загородников, Значение объекта преступления при определении меры наказания по советскому уголовному праву («Труды Военно-юридической академии», 1949, вып. X, стр. 8). Так и Лекшас: «Где нет объекта преступления, там не может быть преступления» («Zur Aufbau der Verbrechenslehre unserer Demokratischen strafrechts wissenschaft», 1952, S. 77).

³⁹ Так, и ст. 5 «Руководящих начал» 1919 года устанавливала, что «преступление есть нарушение порядка общественных отношений, охраняемого уголовным законом».

⁴⁰ См. «Уголовное право. Общая часть», Юриздат, 1939, стр. 165; «Советское уголовное право», учебник для юридических школ, Юриздат, 1940, стр. 48; Я. А. Герцензон, Уголовное право. Общая часть, ВЮА, 1948, стр. 287.

утверждал учебник, – одновременно являются и соответствующие общественные отношения и соответствующие правовые нормы социалистического государства, которые регулируют эти отношения и содействуют их развитию по пути к коммунизму»⁴¹. Вряд ли сочетание формализма с диалектическим материализмом оправданно, даже если при этом сказать о «пути к коммунизму». В новом издании учебника общей части (1952 г.) эта ошибка повторяется, но в смягченной форме⁴².

Действительно, на стр. 175 сказано: «...посягательство на соответствующий объект всегда связано с нарушением правовой нормы», то есть правовая норма снова «связывается с объектом». На следующей же странице еще определеннее выступает прежняя трактовка объекта: «В ряде случаев при характеристике объекта преступления в Особенной части УК указывается на нарушение тех или иных норм права, регулирующих соответствующие общественные отношения»⁴³.

Объектом всякого посягательства является то, чему это посягательство причиняет или пытается причинить ущерб. Правовая норма – в том числе уголовно-правовая норма – ущерба терпеть не может. В известном смысле, наоборот, осуждение по определенной норме, например, по ст. 136 УК РСФСР за убийство, подтверждает реальное значение этой нормы.

Таким образом, необходимо с полной отчетливостью подчеркнуть, что объектом каждого преступления являются общественные отношения. Однако – и это также необходимо иметь в виду – приведенным положением проблема *объекта преступления в системе социалистического уголовного права отнюдь не исчерпывается*. По существу она *лишь здесь начинается*, ибо для разрешения важнейших для судебной практики вопросов квалификации необходимо изучение объекта не только со стороны преступления, но и как *элемента состава* конкретного преступного действия. Оба эти понятия (объект – «общественные отношения» и объект – «элемент конкретного состава») органически связаны друг с другом.

Как было отмечено выше, всякое преступление – террористический акт, кража, изнасилование – посягает на общественные отношения. Общественные отношения, таким образом, выступают объектом, *общим для всех* преступных посягательств; они, естественно, не могут выражать *различий* в признаках объекта, характеризующих состав *данного конкретного посягательства* или данной группы посягательств.

Для этой цели, для отражения спецификации конкретного преступления или конкретной группы преступлений, объект в качестве элемента состава непременно должен обрести новые индивидуальные черты. Это не означает, конечно, что объект в качестве элемента состава может оказаться в противоречии с объектом «общественные отношения». Напротив, подобно тому как общее понятие преступления, данное в ст. 6 УК РСФСР, не исключает, а лишь предполагает определение составов отдельных преступлений в нормах Особенной части, так и признание в качестве общего для всех преступлений объекта «общественных отношений» – не исключает, а лишь пред полагает различные конкретные объекты в качестве элементов составов отдельных преступлений – материальные, политические и другие.

Если определение объекта в форме общественных отношений, как было отмечено выше, можно считать установленным, то, напротив, изучение специальных объектов, объектов конкретных преступных действий, продолжает оставаться задачей, не вполне решенной. Однако при изучении состава преступления попытка разрешить эту задачу является совершенно необходимой. При этом, поскольку задача заключается в изучении объектов как *элементов состава конкретных преступлений*, она может быть решена лишь путем анализа конкретного законодательного материала. Этот путь, однако, таит много трудностей.

⁴¹ «Уголовное право. Общая часть», Юриздат, 1948, стр. 291.

⁴² См. «Советское уголовное право. Общая часть», Госюриздат, 1952, стр. 175.

⁴³ «Советское уголовное право. Общая часть», Госюриздат, 1952, стр. 176.

Преступления, лишенного объекта, как было отмечено выше, быть не может. Следовательно, любой состав в той же мере немислим без элементов, характеризующих «объект преступления», как он немислим без других элементов – вины, действия (бездействия) и других. Таково общее положение. Основной источник сложности проблемы объекта заключается в том, что в явном несоответствии с этим общим положением находится другое столь же бесспорное положение: в весьма значительном числе норм Особенной части (ст. 62, 70, 732, 95, 122, 173 УК РСФСР и очень многих других) нет *специальных указаний на объект* преступления.

Глубоким заблуждением было бы делать отсюда вывод, что умолчание закона снимает вопрос об объекте по соответствующим составам: в таком случае пришлось бы отказаться во многих случаях не только от требования объекта, но и от требования для наличия состава преступления вины (умысла или неосторожности), ибо во многих статьях Особенной части нет специальных указаний также и на вину.

Единственно правильным является другой вывод. Так как посягательств без объекта быть не может, то умолчание закона об элементе, характеризующем объект конкретного состава, должно быть *восполнено* толкованием закона, в особенности при помощи указаний на объект, содержащийся в других, более общих нормах. Правильность этого положения находит полное подтверждение в том, что такого рода *общие* нормы, определяющие объект посягательства, действительно имеются в Уголовном кодексе.

Прежде всего в этом отношении заслуживают внимания нормы, содержащие общее родовое определение отдельных групп преступлений: ст. 58¹ УК РСФСР, содержащая общее определение контрреволюционных преступлений, ст. 59¹ УК РСФСР – общее определение преступлений против порядка управления и ст. 193¹ УК РСФСР – общее определение воинского преступления; в этих нормах объект посягательства очерчен с большой четкостью. Так, в ст. 58¹ УК РСФСР указываются объекты контрреволюционных посягательств: власть рабоче-крестьянских Советов и рабоче-крестьянских правительств Союза ССР, союзных и автономных республик, внешняя безопасность Союза ССР, основные хозяйственные, политические и национальные завоевания пролетарской революции.

Равным образом ст. 59¹ УК РСФСР, давая общее определение преступлений против порядка управления, точно определяет объект этих посягательств: в составе особо опасных преступлений этим объектом являются согласно прямому указанию закона основы государственного управления и хозяйственной мощи Союза ССР и союзных республик, в составе «иных преступлений против порядка управления» – «правильная деятельность органов управления или народного хозяйства». Наконец, ст. 193¹ УК РСФСР, давая общее определение воинского преступления, в качестве объекта выдвигает «установленный порядок несения военной службы».

Эти указания на объект, содержащиеся в общих определениях преступлений контрреволюционных, против порядка управления и воинских, необходимо иметь в виду для правильного понимания составов соответственных групп преступлений. *В них источник для восполнения отсутствующих в отдельных составах конкретных признаков объекта преступления.* Так, в ряде составов изменнических преступлений (ст. 58⁴, 58⁵ и 58⁶ УК РСФСР) объектом должен быть признан указанный в ст. 58¹ УК РСФСР общий объект – внешняя безопасность Союза ССР. Так, в ст. 73 УК РСФСР, предусматривающей сопротивление отдельных граждан представителям власти и не содержащей прямого указания объекта, объектом должен быть признан указанный в общем определении «иных преступлений против порядка управления» объект (п. 1 ст. 59¹ УК РСФСР), то есть «правильная деятельность органов управления».

Так, наконец, в ряде статей Положения о воинских преступлениях отсутствующее при описании конкретных составов указание объекта (например, ст. 193² УК РСФСР – неиспол-

нение отданного по службе приказания, ст. 193¹⁰ УК РСФСР – неявка в срок и др.) должно быть восполнено указанием общего по воинским преступлениям объекта, содержащегося в ст. 193¹ УК РСФСР, – «установленный порядок несения военной службы».

Восполняя содержания отдельных статей, приведенные общие определения (ст. 581, 59¹, 193¹ УК РСФСР) не исключают, однако, в некоторых случаях *специальных указаний*, характеризующих объект как элемент состава отдельных преступлений. Так, объектом террористического акта, предусмотренного ст. 58⁸ УК РСФСР, являются в законе прямо указанные «представители советской власти или деятели революционных рабочих и крестьянских организаций», объектом ст. 58⁷ УК РСФСР, предусматривающей экономическую контрреволюцию, являются в законе прямо указанные – «государственная промышленность, а равно кооперация» и т. д.

Таким образом, обращение к помощи общих определений контрреволюционных преступлений, преступлений против порядка управления и воинских – основной путь к восполнению объекта конкретного преступления, если этот объект специально не обрисован в отдельных нормах Особенной части. Естественно встает вопрос: как восполнить и возможно ли восполнение объекта во всех иных случаях, то есть там, где общих вводных норм, подобно приведенным выше в ст. 58¹, 59¹ и 193¹ УК РСФСР, не имеется. И эта задача не может быть решена в общей форме; ее также необходимо решать с учетом отдельных групп преступлений.

Прежде всего необходимо отметить, что в обширной главе преступлений против личности объект посягательства указан в самом заголовке «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности». В соответствии с этим общим указанием и содержанием отдельных норм объектов в преступлениях, предусмотренных ст. 136–139 УК РСФСР, должна быть признана *жизнь* человека, объектом в составах, предусмотренных ст. 141–146 УК РСФСР (телесные повреждения, побои), – *здоровье* человека; объектом ст. 159–161 УК РСФСР (оскорбление, клевета) – *достоинство* личности.

Сложнее решается вопрос об объекте в главе «Имущественные преступления». Поучительно, что закон говорит «имущественные преступления», а не «преступления против имущества». Это не случайное различие в формулировках; за этим кроется мысль, которую необходимо учесть при разрешении вопроса об объекте.

Выше было указано, что объектом посягательства может быть лишь то, против чего направлен удар, что терпит ущерб в результате преступного посягательства. Поэтому в краже, которая не связана с причинением ущерба вещи, объектом являются не имущество «вообще», а *чужое* имущество. Здесь, следовательно, подчеркивается значение кражи как посягательства против собственности. «Преступная же сущность действия (кражи. – А. Т.), – писал К. Маркс, – заключается не в посягательстве на материальное дерево, а в посягательстве на государственный нерв дерева, на право собственности...»⁴⁴

Иногда различие в объекте является прямым основанием для той или иной квалификации преступления. Так, грань, лежащая между ст. 146 УК РСФСР, карающей нанесение побоев, и ч. 2 ст. 159 УК РСФСР, предусматривающей оскорбление действием, заключается в объекте: в ст. 145 УК РСФСР объект – здоровье потерпевшего, в ч. 2 ст. 159 УК РСФСР – личное достоинство.

Объект преступления служит основным критерием при построении системы Особенной части⁴⁵. Даже те главы, которые дают повод для утверждения, что в некоторых случаях осо-

⁴⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 249.

⁴⁵ Поэтому с полным основанием Густав Ян в статье «Некоторые вопросы состава диверсии и саботажа» (Журнал "Staat und Recht", 1956 г., февраль, стр. 81) видит отличие хозяйственных преступлений от диверсии и саботажа в том, что хозяйственные преступления не посягают непосредственно на основы социалистического строительства.

бенности субъекта служат основанием для классификации (должностные и воинские преступления), на деле также строятся по общему объекту (правильное течение должностной и воинской службы). Конечно, и здесь, как и в других случаях, отдельные нормы могут включать и специальный объект.

Так, объектом дискредитирования власти, согласно прямому указанию ст. 113 УК РСФСР, являются «достоинство и авторитет органов власти». Объектом, общим всем преступлениям, составляющим пережитки родового быта, является социалистический уклад. В то же время объектом отдельных преступлений, образующих эту группу, является и личность (принуждение женщины к вступлению в брак – ст. 197 УК РСФСР). И личность, и собственность, и все объекты ограждаются уголовным законом не «вообще», вне времени и пространства, а всегда и всюду в системе определенных общественных отношений. Таким образом, и личность, и собственность, и любой объект конкретного преступления, и общественные отношения в качестве общего объекта находятся в неразрывной органической связи, в одном и том же логическом и практическом ряду.

2

Объект играет значительную роль в качестве основания для построения системы Особенной части. Но этим значение объекта посягательства не исчерпывается. Как правильно отмечает Б. С. Никифоров, «рост значения того или иного общественного отношения влечет за собой наряду с усилением наказания за совершение соответствующих посягательств, так сказать, кристаллизацию, собирание к одному месту дотоле разрозненных постановлений уголовного закона, их объединение в один или несколько «укрупненных» составов, *построенных на основе группового объекта объединяемых преступлений*».

Ярким примером эволюции такого рода служит процесс постепенного объединения различных посягательств на социалистическую собственность в родовое понятие хищения: Закон от 7 августа 1932 г., впервые (после издания Уголовного кодекса 1922 г.) введший это понятие в юридический оборот, и, далее, Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» от 4 июня 1947 г., в котором процесс образования родового понятия хищения получил полное завершение»⁴⁶.

Действительно, в тех случаях, когда речь идет о защите от посягательств на социалистическую собственность, значение этого объекта – «социалистической собственности» – выступает в такой исключительной мере, что такого рода элементы состава, как способы действия, обычно играющие самостоятельную роль, теряют свое самостоятельное значение. Поэтому Указ от 4 июня 1947 г. к понятию «хищение социалистической собственности» одинаково относит и кражу, и грабеж, и растрату, и мошенничество, и корыстное злоупотребление властью: ценность *объекта* – социалистическая собственность – нейтрализует различие в *способах действия*⁴⁷.

⁴⁶ Б. С. Никифоров, Об объекте преступления, «Советское государство и право», 1948 г., № 9.

⁴⁷ Интересное положение выдвигает Б. С. Никифоров, рассматривающий в качестве объекта хищения социалистической и личной собственности порядок распределения материальных благ в социалистическом государстве: «Если принадлежность имущества к той или другой форме собственности в СССР определяет различную политическую характеристику посягательства на это имущество (хищение государственного, общественного или личного имущества), то характер этих преступлений как посягательства на порядок распределения материальных благ позволяет рассматривать их в качестве однородных преступлений (хищение имущества, не принадлежащего виновному). Нельзя при этом, однако, упускать из виду глубокой грани, лежащей между социалистической собственностью как одной из экономических основ социалистического государства и личной собственностью граждан» (Б. С. Никифоров, Борьба с мошенническими посягательствами на социалистическую и личную собственность по советскому уголовному праву, Институт права Академии наук СССР, 1952, стр. 4–5).

II. Элементы состава, характеризующие объективную сторону преступления

Элементы состава, характеризующие объективную сторону преступления, представлены в законе наиболее полно и разнородно. *По существу каждая диспозиция* (в описательных составах, конечно) *представляет собой главным образом совокупность элементов, характеризующих объективную сторону преступления.* Это явление совершенно неизбежно, поскольку при ограниченности элементов, характеризующих субъекта и субъективную сторону (умысел или неосторожность, очень редко – мотив или цель), при отмеченном выше весьма частом родовом определении объекта, *специфика каждого состава преступления находит свое выражение главным образом в объективной стороне*; здесь чаще всего проходит грань, отделяющая одно преступление от другого и преступное действие от не преступного.

Действительно, умысел необходим для значительного большинства составов преступления. Порой целая группа преступлений (контрреволюционные преступления) требует наличия умысла. Отсюда ясно, что грань между отдельными видами контрреволюционных преступлений (например, грань между диверсионным актом и вредительством) может лежать лишь в сфере признаков, характеризующих объективную сторону. Равным образом и значительная группа посягательств против имущества – кража, разбой, вымогательство и другие – также предполагает наличие умысла: и в этих случаях, следовательно, грань, отделяющая одно имущественное преступление от другого, выражается в различии элементов, характеризующих объективную сторону того или иного преступления (например, кражи и вымогательства). Это положение в полной мере относится и к посягательствам на личность.

Так, по общему правилу, умышленное убийство отличается от умышленного тяжкого и умышленного легкого телесного повреждения признаками, лежащими в сфере объективной: тяжестью последствий⁴⁸. В этой же сфере лежат и признаки, отличающие неосторожное убийство от неосторожного тяжкого и неосторожного легкого телесного повреждения.

Таким образом, специфика каждого состава преступления описана законодателем главным образом при помощи элементов, характеризующих объективную сторону преступления⁴⁹. Отсюда ясно, какое большое значение – теоретическое и практическое – имеет правильная систематика этих элементов.

При анализе элементов, многочисленных и разнородных, характеризующих объективную сторону преступления, нетрудно заметить в них две основные группы. Одна группа элементов неизменно и обязательно присуща каждому составу преступления: без этих элементов состав преступления немыслим. Другая группа элементов, характеризующих объективную сторону, носит, напротив, факультативный характер: элементы этой группы могут быть, но могут и не быть в составе конкретных преступлений.

Таким образом, среди элементов, характеризующих объективную сторону каждого преступления, необходимо различать две основные группы: элементы обязательные и элементы факультативные.

К первым, *обязательным*, элементам, без которых немыслим ни один состав, должны быть отнесены: 1) само действие (или бездействие); далее, поскольку действия без последствия быть не может, обязательными для каждого состава преступления элементами должны быть также признаны: 2) последствие и 3) причинная связь, соединяющая действие с последствием.

⁴⁸ Конечно, если лицо с умыслом убить наносит тяжкое телесное повреждение, оно отвечает за покушение на убийство.

⁴⁹ Исключение в этом отношении образуют контрреволюционные преступления: любое действие (бездействие) при любых условиях становится контрреволюционным преступлением, если оно совершается с контрреволюционным умыслом.

К *факультативным* элементам, которые могут быть законом дополнительно указаны при описании отдельных составов, но которые могут и отсутствовать, должны быть отнесены: 1) предмет посягательства, 2) способ действия, 3) время и место действия, 4) обстановка действия. Каждая из названных групп элементов требует самостоятельного рассмотрения.

Обратимся, прежде всего, к анализу обязательных элементов, характеризующих объективную сторону каждого преступления.

1. Обязательные элементы состава, характеризующие объективную сторону каждого преступления

а) Действие

Среди обязательных элементов каждого состава преступления центральное место занимает само преступное действие (или бездействие). Закон неизменно отмечает особенности действия (или бездействия), входящего в состав преступления и его тем самым индивидуализирующего. Так, закон говорит об агитации и пропаганде, хищении, побоях, распространении ложных сведений, халатности и т. д.

Выше было подробно развито, что теоретически ошибочным и политически неверным является взгляд, будто состав преступления всецело исчерпывается признаками, характеризующими преступное *действие*. Однако уголовной ответственности могут подлежать лишь лица, совершившие преступное действие (бездействие). Без этого объективного элемента состава – действия (бездействия) – нет преступления, нет основания для уголовной ответственности, нет, следовательно, самой проблемы состава.

В своих выступлениях против незаконных действий прусской реакции К. Маркс писал: «Лишь постольку, поскольку *я проявляю себя*, я вступаю в область действительности, я вступаю в сферу действий законодателя. *Помимо своих проступков*, я совершенно не существую для закона, совершенно не являюсь его объектом»⁵⁰.

В советском уголовном праве, естественно, лишь действие (или бездействие) может влечь за собой уголовную ответственность. Таков прямой смысл ст. 6 УК РСФСР, дающей общее определение понятия преступления в социалистическом уголовном праве. Такова и судебная практика. Так, еще в определении Уголовно-кассационной коллегии Верховного Суда РСФСР, относящемся к 1925 г., указано, что «наказуемы лишь действия, непосредственно направленные к осуществлению преступного замысла»⁵¹.

Через 20 лет в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 12 июня 1946 г. этот принцип нашел более четкое выражение и глубокое обоснование. «По общему смыслу советского уголовного законодательства, – говорит постановление, – наказано может быть лишь лицо, виновное в совершении определенного преступления.

Так, согласно ст. 6 Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, меры наказания могут применяться в судебном порядке только к лицам, которые предвидели или должны были предвидеть общественно опасный характер последствий своих действий.

Таким образом, по прямому смыслу этой статьи наказание может быть применено судом при наличии вины умышленной или неосторожной лишь к лицу, совершившему определенное общественно опасное действие или бездействие. Следовательно, в силу указанной статьи

⁵⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 120.

⁵¹ «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда, 1925 год», вып. 1, стр. 154.

исключается возможность применения судом наказания к лицам, не признанным виновными в совершении того или иного определенного преступления»⁵².

Указав, что ст. 7 УК РСФСР и соответствующие статьи уголовных кодексов других союзных республик потеряли силу с изданием Закона о судеустройстве, постановление 12 июля в заключение указывает: «Установленные законом меры уголовного наказания, в том числе ссылка и высылка, могут быть применены в судебном порядке по приговору суда лишь в том случае, если подсудимый признается тем же приговором виновным в совершении определенного преступления».

Таким образом, лишь конкретное действие (бездействие), образующее состав предусмотренного законом преступления, может по советскому праву влечь за собой уголовную ответственность.

Само понятие «действия» в его специальном уголовно-правовом значении требует уточнения.

В условных границах уголовного права признак сознательности⁵³, характеризующий действие, приобретает особое значение.

Во всех случаях, когда психика субъекта потрясена или расстроена, то есть во всех случаях, когда уголовный закон говорит о *невменяемости* лица, нет и не может быть уголовно-правового действия. Что бы ни предпринимал шизофреник – хранил оружие, уничтожал имущество, наносил ранение, – он не «действует» в смысле уголовно-правовом.

Круг уголовно-недееспособных лиц, однако, не ограничивается кругом лиц невменяемых: он значительно шире. Не действует в уголовно-правовом смысле и тот, кто совершает движение *под давлением непреодолимой физической силы*. Так, если рукой Иванова насильственно, вопреки его желанию и воле, сбрасывается кирпич на голову проходящего под окном человека, то на стороне Иванова нет действия в уголовно-правовом смысле. Поэтому, в частности, Иванов не может рассматриваться как исполнитель преступления: исполнитель тот, кто как орудием действует рукой Иванова. Более спорна, но вполне реальна возможность отрицания уголовно-правового качества действия и в тех движениях, которые совершаются под влиянием подавляющего волю *психического принуждения*. Так, лицо, действующее под непосредственной и явной угрозой смерти, может в некоторых случаях рассматриваться как механический исполнитель чужой воли.

Далее, необходимо учесть следующее. Действие в уголовно-правовом смысле не только *качественно* отлично от телодвижения, но и, так сказать, *количественно*: действие обычно включает в себя несколько движений: револьвер поднят, направлен на мишень, рука коснулась курка, курок спущен и т. д. Уголовно-правовое понятие действия всегда охватывает не отдельную «операцию» или «звено», а органический комплекс таких звеньев – выстрел, похищение, покупка и т. д. С другой стороны, уголовно-правовое *действие* не следует отождествлять с системой действий, с *деятельностью* лица, его поведением. Правда, в ряде составов закон предусматривает именно не одно, а несколько действий.

Так, спекуляция складывается из отдельных актов (действий) – покупки и продажи. Не изолированное действие, а система действий требуется для состава во всех случаях, когда закон говорит о промысле; так, например, покупка заведомо краденого в виде промысла предполагает наличие нескольких действий, нескольких актов покупки. Не изолированное действие, а ряд действий предполагается таким составом, как нанесение побоев, истязание (ст. 146 УК

⁵² Из этого исходит и уголовное законодательство стран народной демократии. Так, ст. 2 болгарского Уголовного кодекса 1951 г. определяет преступление как «всякое общественно опасное деяние (действие или бездействие), совершенное виновно и объявленное законом наказуемым».

⁵³ Правильно указывает Лекшас: «Марксизм признает единство объективного и субъективного в действии, не отрицая их противоположности. Марксистское понятие действия есть диалектическое единство» («Zum Aufbau der Verbrechenslehre...», 1952, S. 13).

РСФСР). Однако в огромном большинстве случаев действие в качестве элемента состава охватывает не «поведение», не «деятельность», а конкретный акт (изнасилование, повреждение и т. п.), слагающийся из отдельных звеньев.

Для оценки действия в плане учения о составе преступления весьма важно учесть и другое: *не любое в уголовно-правовом смысле действие есть вместе с тем и действие в качестве элемента состава данного преступления*. Нельзя упускать из виду, что действие в качестве элемента состава наделено конкретными, указанными в законе признаками – агитация, похищение, распространение ложных сведений и т. д. Поэтому не любой акт, хотя бы и совершенный с преступным умыслом, образует действие в качестве элемента соответственного состава. Так, поездка за керосином для совершения поджога представляет собой бесспорное действие, при этом действие, которое не лишено уголовно-правового значения; но оно все же не образует действия как элемента состава поджога, так как в описание преступления поджога закон признака «поездка за керосином» не вводит⁵⁴.

Порой действие как элемент состава весьма сходно с действием, не образующим элемента состава, однако их различие необходимо. Это различие становится осуществимым, ибо на помощь приходят элементы состава, характеризующие субъективную сторону. Так, временное пользование чужим имуществом в отсутствие и без ведома собственника не является присвоением при отсутствии умысла обратить это имущество в свою собственность. Заслуживает в этом отношении внимания определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 20 июня 1945 г. по делу П.

«П. признан в том, что он в мае 1942 года при вселении в квартиру № 10 в доме № 22 по Лермонтовскому проспекту, ранее занимаемую семьей Г., эвакуированных из г. Ленинграда, незаконно присвоил имущество Г, как-то: буфет, письменный стол, носильные вещи и другие предметы домашнего обихода.

Приговор народного суда и определение Ленинградского городского суда в отношении П. подлежат отмене, а дело прекращению по следующим основаниям. Из материалов дела видно, что П., вселившись в 1942 году в квартиру Г. по ордеру, нашел в квартире значительное количество домашних вещей, о которых он тогда же, в 1942 году, написал заявление в Ленинградский областной Совет с просьбой часть этих вещей оставить в его пользование. Это обстоятельство свидетельствует о том, что П. не скрывал факта нахождения в занятой им квартире имущества эвакуированной семьи Г. Находящиеся же в пользовании П. вещи возвращены Г.

Таким образом, следует признать, что осуждение П. за присвоение имущества, принадлежащего Г., является неправильным.

По изложенным основаниям Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР определила: приговор народного суда 2-го участка Октябрьского района Ленинграда и определение Ленинградского городского суда отменить и дело в отношении П. производством прекратить»⁵⁵.

Как было отмечено выше, поведение человека, обосновывающее применение уголовной санкции, может проявляться в двух формах: в форме действия и в форме бездействия.

Бездействие также не представляет собой любой формы пассивного поведения. Бездействие в качестве элемента состава не менее конкретно, чем действие. Бездействие предполагает *не совершение определенного, требуемого законом действия* – неявка по мобилизации, невызов караула, неплатеж алиментов и т. д. Так, и п. 2 § 75 Уголовного кодекса Чехословацкой Республики 1950 г. устанавливает:

⁵⁴ Этот момент приобретает решающее значение при разграничении приготовления и покушения (см. ниже «Состав преступления, приготовление и покушение», стр. 295).

⁵⁵ «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1945, вып. VII.

«Под действием (деянием) понимается и несовершение такого действия (бездействие), которое данное лицо должно было в силу обстоятельств и своего положения исполнить».

Именно поэтому нести уголовную ответственность за бездействие может лишь определенный круг лиц, на которых законом возложена обязанность совершать определенные действия.

б) Последствие

Среди элементов, характеризующих объективную сторону преступления, последствие занимает особое место: весьма сложное по своему содержанию и юридической структуре, оно вместе с тем весьма неполно разработано в теории социалистического уголовного права⁵⁶. Отсюда многочисленные недоразумения, связанные не только с тем или иным пониманием последствия, но и с основной проблемой: является ли последствие одним из *необходимых* элементов состава каждого преступления.

В учебниках уголовного права проводится взгляд, что преступления бывают двух родов: одни – так называемые «материальные», другие – так называемые «формальные». В так называемых «материальных» преступлениях последствие – необходимый элемент состава; напротив, преступления «формальные» тем и примечательны, что для их состава не требуется наличия последствия⁵⁷.

«Следует различать, – сказано в учебнике (изд. 1943 г.), – во-первых, преступления, в которых уголовный закон считает объективной стороной состава преступления самый факт совершения человеком действия или бездействия, *независимо от дальнейших последствий*, вызванных им во внешнем мире (так называемые *формальные преступления*), например, словесная обида, оставление в опасности и т. д.; надо различать, во-вторых, преступления, в которых уголовный закон требует для наличия объективной стороны состава преступления не только действия или бездействия человека, но и наступления в результате действия или бездействия вредных последствий, так называемые *материальные преступления*, например, убийство, телесное повреждение, кража, грабеж и т. д.»⁵⁸.

Эти взгляды учебника покоятся на игнорировании той внутренней органической связи, которая существует между отдельными элементами состава, в частности, между *последствием* посягательства и его *объектом*.

Объектом каждого преступления, как подробнее было развито выше, являются те общественные отношения, которые под угрозой наказания уголовный закон охраняет и на которые, пренебрегая этой угрозой, преступник посягает. Посягнуть – это всегда означает нанести в той или иной форме и мере ущерб объекту: посягательство, не несущее с собой ущерба, перестает быть самим собой: оно уже не «посягает». Единственное, от чего уголовный закон охраняет и может охранять объект, – это от ущерба.

В соответствии с этим воля преступника всегда направлена, а его неосторожность приводит к причинению ущерба охраняемым уголовным законом общественным отношениям в их конкретном выражении – престижу власти, социалистическому правопорядку, жизни, здо-

⁵⁶ Достаточно отметить следующий факт: учебник общей части советского уголовного права (издание 1952 г.) выделяет особо действие и причинную связь, но в нем совершенно отсутствует анализ понятия последствий преступления; тем самым остается невыясненным, с чем же причинная связь связывает действие, что оно причиняет.

⁵⁷ Это различие проводится и многими буржуазными авторами. «По характеру своего состава преступления делятся на материальные и формальные. Состав формальных преступлений предполагает лишь совершение или несовершение субъектом указанных в законе действий... Состав материальных преступлений предполагает наступление определенного внешнего результата, в причинении которого они и заключаются». (Познышев, Основные начала науки уголовного права, 1912, стр. 134); Видаль, Cours, 1928, стр. 130; Белинг, Die Lehre Verbrehen, 1906, стр. 203–204 и другие.

⁵⁸ См. «Уголовное право. Общая часть», Юриздат, 1943, стр. 116–117. —Те же положения повторяются и в четвертом издании учебника 1948 г. и в издании 1952 г. (стр. 184–185).

ровью, имуществу и т. д. Отсюда фактически неизбежен и логически обоснован другой вывод: *ущерб*, причиненный объекту посягательства, каковы бы ни были формы и объем этого ущерба (об этом ниже), и является *последствием*, образующим необходимый элемент каждого преступления⁵⁹.

Нет посягательства, если нет объекта, так как в этом случае *не на что посягать*, и в одинаковой мере нет посягательства, если объекту не причинено ущерба, ибо в этом случае субъект *не посягает*.

Поэтому объект и последствие друг от друга неотрывны; как нет преступления без объекта как элемента состава, так нет и преступления без последствия как элемента состава. Поэтому признавать объект необходимым элементом состава (а его таковым признают и сторонники различения формальных и материальных деликтов) и отрицать такое же значение за последствием – значит впасть в непримиримое внутреннее противоречие. Это противоречие особо заметно при попытке сторонников различения формальных и материальных деликтов переходить от общетеоретических конструкций к конкретным выводам. С исчерпывающей наглядностью оно выступает при истолковании состава оскорбления.

Оскорбление в понимании сторонников различения формальных и материальных деликтов является, так сказать, «образцом» формального деликта, то есть деликта, элементом состава которого последствие не является; однако это последствие, изгнанное из теоретической конструкции, немедленно появляется при анализе конкретных случаев, например, когда встает вопрос об объекте оскорбления. «Объектом оскорбления, – указывают авторы учебника, – является чувство собственного достоинства человека. Чувствовать унижение собственного достоинства может лишь лицо, обладающее сознанием собственного достоинства и сознающее оскорбительный характер обхождения с ним. Поэтому не могут фактически быть объектом оскорбления лица, не обладающие таким сознанием: спящие, бесчувственно пьяные, душевнобольные, малолетние и т. п.»⁶⁰

Оказывается, таким образом, что и в понимании авторов учебника для наличия оскорбления еще недостаточно одного действия – произнесения оскорбительного слова: необходимо еще, чтобы субъект «чувствовал унижение собственного достоинства», иными словами, необходима обида как последствие оскорбления, того оскорбления, которое авторы объявили формальным беспоследственным составом.

Отсутствие четкого представления о последствии как необходимом элементе каждого состава преступления приводит не только к ошибочному различению так называемых формальных и материальных деликтов, но и к полному смешению двух рассмотренных выше понятий, к полному смешению двух элементов состава, характеризующих объективную сторону преступления – действия и последствия.

Так, в монографии «Понятие преступления» проф. Н. Д. Дурманов утверждает: «Всякого рода воздействие на объект, хотя бы оно и производило некоторые несущественные изменения в объекте, должно быть отнесено к действию»⁶¹.

Оказывается, таким образом, что даже некоторые изменения в объекте относятся не к результату, а составляют действие. Когда автор пытается пояснить, какое же именно изменение

⁵⁹ Проф. Н. Д. Дурманов утверждает, что «при конструкции составов преступлений без включения в них последствий состав преступления будет налицо и тогда, когда *ни малейшего ущерба объекту не причинено* (курсив мой. – А. Т.)». Однако допустить, что закон карает действия, не причиняющие «ни малейшего ущерба» объекту, значит допустить назначение законодателем наказания за безвредные действия («Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву», Госюриздат, 1955, стр. 40).

⁶⁰ «Уголовное право. Особенная часть», Юриздат, 1939, стр. 240. – В издании 1952 г. авторы учебника не ссылаются на оскорбление как образец «формального» преступления.

⁶¹ Н. Д. Дурманов. Понятие преступления, М.: Л., 1948, стр. 57.

в объекте рассматривается им в качестве элементов действия, положение не только не проясняется, а становится лишь более сложным.

Действительно, по мнению проф. Н. Д. Дурманова, «под результатом следует понимать те качественные изменения, которые причинены объекту посягательства действием или бездействием субъекта».

Итак, лишь *качественные* изменения, причиненные объекту посягательства, образуют его результат. В таком случае обратимся к следующему примеру. В кассе было 10 тыс. руб. Кассир 1000 руб. присвоил. Нельзя, конечно, сомневаться в том, что хищение – преступление материальное и, следовательно, даже в понимании проф. Н. Д. Дурманова предполагает обязательное наличие результата.

Однако, согласно мнению проф. Н. Д. Дурманова, результат образуют лишь *качественные* изменения объекта. А ведь «качественных» изменений в кассе не произошло. Таким образом, хищение оказывается безрезультатным преступлением. Пример, которым пользуется проф. Н. Д. Дурманов для уточнения своей мысли, не улучшает положения.

Проф. Н. Д. Дурманов утверждает: «Если при действии, направленном на убийство человека, он получил ранение, хотя бы и тяжелое, говорится о покушении, а не об оконченном преступлении. Здесь некоторые изменения объекта имели место, но они не имели качественного характера». Нельзя, конечно, согласиться с тем, что тяжкое ранение не производит качественных изменений в организме человека: нет оконченного преступления в приведенном примере потому, что *умысел* виновного был направлен на убийство. Достаточно предположить, что виновный имел целью причинить тяжкое повреждение, как налицо будет оконченное преступление, и те же изменения в объекте, таким образом, окажутся «качественными».

Сторонники различения формальных и материальных преступлений нередко приводят в качестве примеров формальных деликтов составы, выражающиеся в бездействии, – неявка по мобилизации и т. д. Ошибочность утверждения, что в этих случаях последствие отсутствует, не может вызвать сомнений.

Действительно, неявка по мобилизации неизбежно приводит к уменьшению числа мобилизованных. Конечно, это последствие в каждом отдельном случае может быть незначительным (на одну единицу менее), но это обстоятельство не меняет правовой природы последствия; так, предусмотренное ст. 113 УК РСФСР последствие – подрыв авторитета власти в результате дискредитирования – является, бесспорно, крайне незначительным, однако этот подрыв не перестает быть последствием в качестве элемента состава преступления.

Органическая связь двух элементов состава – объекта и последствия – находит дальнейшее выражение в общих чертах, характеризующих оба эти элемента и весьма существенных для понимания последствия. Объектом посягательства, как было указано выше, могут быть как *материальные, так и политические, моральные и иные ценности*. В соответствии с этим последствиями должны быть признаны не только изменения, происходящие в сфере внешней *физической* природы, но и факты, относящиеся к сфере *политической, психической, моральной*. Поэтому последствия всегда существуют и всегда реальны, хотя иногда и не носят материального характера.

Как *объектом* посягательства могут быть, с одной стороны, завод, дом или человеческая жизнь, а с другой стороны, престиж власти, личное достоинство и т. д., так и *последствиями* могут в одинаковой мере быть, с одной стороны, разрушенный завод, сожженный дом или смерть жертвы, а с другой – ослабление престижа власти или унижение человеческого достоинства.

С этой *разнородностью* последствия неразрывно связана другая особенность последствия как элемента состава. Она заключается в следующем. Материальные последствия, по общему правилу, поддаются конкретному установлению, нередко измерению; совершено убийство, разрушено здание, похищено сто килограммов хлеба и т. д. Последствия в сфере полити-

ческой и моральной – интеллектуальные и моральные последствия (подрыв престижа власти, нарушение трудовой дисциплины, обида) – *не поддаются такой конкретизации*; такого рода последствия не имеют своих измерителей (метр, килограмм, рубль и т. п.). Это обстоятельство, однако, ни в какой степени не меняет природы последствия как элемента состава: поддается ли конкретному измерению последствие, или нет, оно при всех условиях не перестает реально существовать и *не теряет своего значения элемента состава преступления*. Чтобы правильно и в полной мере оценить эту вторую особенность последствия, необходимо иметь в виду, что именно в сфере политических и моральных ценностей причиненные виновным последствия часто труднее всего поддаются конкретной регистрации. Так, пьяный дебош судебного исполнителя, подрывающий престиж власти в пределах, не поддающихся измерению, не становится на этом основании действием, лишенным последствия. Равным образом, какой-то, быть может, в неизмеримо малой доле, но некоторый ущерб советской торговле наносит спекулянт. Таким образом, как ни своеобразно в указанных и подобных случаях последствие в качестве факта, трудно поддающегося конкретизации и измерению, оно, тем не менее, реально существует в качестве необходимого элемента состава. Иного положения быть не может. Если политическая система, престиж власти, советская торговля признаются *объектами* посягательств, а такими признает их и закон и теория, то неизбежен вывод, что этим объектам соответственными преступлениями наносится урон. *Неуязвимый* объект посягательства есть противоречие в самом себе⁶²; *неуязвленный* объект – основание для ответственности за покушение. Но допускать существования оберегаемых уголовным законом объектов, которым ущерб не наносится и не может наноситься, – значит допускать существование норм, карающих заведомо безвредные действия, которые ущерба принести не могут; это, следовательно, значит лишать уголовную санкцию разумных оснований.

Третьей особенностью последствия, особенностью, весьма существенной для понимания последствия как элемента состава, является его *условность*. Относительность последствия выражается в том, что последствие как элемент состава находится в постоянном окружении многочисленных иных «последствий», отстоящих на разном расстоянии от первоначального человеческого акта. Так, выстрел есть «последствие» спуска курка, разрыв сердечной ткани – последствие попадания пули в сердце, смерть жертвы – последствие разрыва пульей сердечной ткани, самоубийство матери – последствие смерти единственного сына и т. д. Этой условности нельзя упускать из виду, но она вовсе не лишает последствия как элемента состава надлежащей правовой четкости.

Действительно, последствием в качестве элемента состава, как было указано выше, может быть признан лишь *ущерб*, причиненный объекту посягательства; в этом – первый, весьма существенный признак, ограничивающий последствие как элемент состава от всех иного рода последствий. На этом основании спуск курка как последствие волевого акта или выстрел как последствие нажатия курка – к последствиям – элементам состава – отнесены быть не могут, так как спуск курка сам по себе ущерба жертве не наносит. Игнорирование этого факта – источник ошибок, повторяемых авторами, рассматривающими само преступное действие как последствие волевого акта. Конечно, действие – необходимый элемент состава, но именно в качестве *действия*, а не в чуждой ему роли *последствия*.

Другой весьма существенный признак, отличающий последствия – элемент состава – от всех иных последствий, кроется в субъективной стороне состава, которая, конечно, всегда с объективной стороной тесно связана: к элементам состава могут быть отнесены лишь те последствия, которые охватываются умыслом или неосторожностью виновного. Именно поэтому последствие – смерть матери, не пережившей убийства единственного сына, не может образо-

⁶² Здесь поэтому возникает особая ситуация – покушение на негодный объект.

вать элемента состава: не охваченное ни умыслом, ни неосторожностью, оно вообще не может быть вменено в вину убийце сына.

Итак, последствие как элемент состава – понятие сложное: оно имеет, как подробно развито выше, разносторонний характер, оно часто (при интеллектуальных и моральных последствиях) не поддается конкретному учету; наконец, оно имеет относительный характер. Нераскрытые эти особенности последствия затемняли его природу и питали утверждения, что в некоторых деликтах (формальных), где последствие иногда труднее установимо, оно в качестве элемента состава вообще не существует. Напротив, последствие, раскрытое в своем существе (ущерб, нанесенный объекту) и в своих особенностях (разносторонность, относительность), отчетливо выступает в своем качестве необходимого элемента состава. Таково теоретическое положение. Таковы и постановления закона.

Так, примечание к ст. 6 УК РСФСР, имеющее весьма большое принципиальное и практическое значение, говорит о действиях, лишенных общественно опасного характера «в силу своей малозначительности и *отсутствия вредных последствий*», говорит в общей форме без всяких оговорок или различия «последственных» (материальных) и «беспоследственных» (формальных) преступлений.

Общую оценку последствий как элемента состава дает ст. 10 УК РСФСР, содержащая определение форм виновности – умысла и неосторожности.

Согласно ст. 10 УК РСФСР умышленно действуют лица, которые «предвидели общественно опасный характер *последствий* своих действий, желали этих последствий или сознательно допускали *их наступление*»; *неосторожно* – лица, которые «*не предвидели* последствий своих поступков, хотя и должны были предвидеть их, или легкомысленно надеялись предотвратить такие последствия». Таким образом, обе формы вины по точному смыслу и прямому указанию закона (ст. 10 УК РСФСР) неразрывно связаны с отношением лица к *последствиям* его действия.

Так же конструируют понятия умысла и неосторожности новейшие кодексы некоторых зарубежных социалистических стран. Так, § 2 чехословацкого Уголовного кодекса 1950 г. устанавливает:

«Преступным деянием является только такое общественно опасное действие (бездействие), *последствия* которого предусмотрены законом и наступили по вине лица, совершившего преступное деяние».

Так, и по ст. 5 албанского Уголовного кодекса 1952 г. «деяние является преступлением, если лицо действовало:

а) умышленно, то есть предвидело общественно опасные *последствия* своих действий, желало этих *последствий* или сознательно допускало их наступление;

б) неосторожно, то есть предвидело, что в результате его действий могут наступить общественно опасные *последствия*, но легкомысленно надеялось предотвратить их, или же не предвидело этих *последствий*, хотя по обстоятельствам дела должно было их предвидеть».

При наличии приведенных выше постановлений закона допускать наличие беспоследственных преступных действий – значит допускать ответственность без вины – положение, явно противоречащее основам социалистического правосудия и действующему советскому законодательству. Нет упоминания о «формальных» и материальных преступлениях в судебной практике. Напротив, указания на последствия содержатся во многих определениях Верховного Суда. Так, по делу М., рассмотренному Судебной коллегией по уголовным делам 30 апреля 1955 г., выдвинуто следующее общее положение: «Обвиняемый может нести уголовную ответственность за наступившие *последствия* своих действий только в том случае, если они являлись *результатом* его вины, умышленной или неосторожной».

Аналогично по делу Л. Верховный Суд определением 27 августа 1954 г. устанавливает: «Уголовное преследование не может иметь места, если обвиняемый не предвидел и не мог предвидеть наступивших последствий».

И еще позднее в определении от 22 июня 1955 г. по делу А., обвинявшегося в халатности, Верховный Суд указал: «Обвинение в халатности не может быть признано правильным, если оно основано *лишь на факте наступления тяжелых последствий* при отсутствии доказательств о небрежном или недобросовестном отношении должностного лица к возложенным на него по службе обязанностям».

В нормах Особенной части значение последствий не может быть иным; оно, конечно, согласовано с требованиями ст. 10 УК РСФСР. В некоторых диспозициях последствие как элемент состава непосредственно указано в законе. Так, ч. 1 ст. 112 УК РСФСР предусматривает «злоупотребление властью, превышение или бездействие и халатное отношение к служебным обязанностям, если в результате их *последовал развал* руководимого должностным лицом центрального аппарата...» Аналогично ст. 59^{3в} УК РСФСР предусматривает нарушение трудовой дисциплины, которое повлекло за собой повреждение или уничтожение подвижного состава, пути и путевых сооружений и др. Нельзя, правда, отрицать того, что в весьма большом числе диспозиций нет прямого указания на последствие как элемент состава; однако это умолчание не может служить основанием к отрицанию в этих случаях последствия как элемента состава: не только последствие, но и другие, по общему признанию, бесспорные элементы состава (объект, умысел) не всегда описаны в законе. Так, последствием, законом не упомянутым, в преступлении, предусмотренном ст. 74 УК РСФСР, является нарушение общественного порядка; подделки денег – ущерб, нанесенный финансовой системе и денежному обращению; оскорбления – ущерб личному достоинству гражданина и т. д.

Задача правильного применения закона в том и заключается, чтобы, не сводя мысли законодателя лишь к буквальному текстовому ее воплощению, вскрыть ее подлинное и полное содержание. Верность этого положения можно иллюстрировать анализом двух смежных составов, обычно относимых сторонниками так называемых формальных деликтов к формальным составам – оскорбление действием и побои (ст. 159 и 146 УК РСФСР). Где грань между двумя этими составами?

С субъективной стороны и ст. 159, и ст. 146 УК РСФСР одинаково предполагают умысел. Объективная сторона, поскольку она заключается в действиях, и тут, и там выражается в нарушении телесной неприкосновенности потерпевшего. Где же критерий для разграничения побоев и оскорбления действием? Когда действия виновного следует квалифицировать по ст. 159 и когда – по ст. 146 УК РСФСР? Этот критерий заключается лишь в различии последствий, указание на которое отсутствует и тут, и там: если удары причинили боль, – это побои, предусмотренные ст. 146 УК РСФСР; если же удары вызвали обиду, – это оскорбление действием, предусмотренное ст. 159 УК РСФСР. В соответствии с этим и сам потерпевший вправе поставить вопрос о привлечении к ответственности виновного по ст. 159 или ст. 146 УК РСФСР в зависимости от того, какое последствие, моральное (обида) или физическое (боль), для него более ощутимо. Таким образом, грань, лежащая между двумя формальными «беспоследственными» деликтами, оказывается в различиях последствий – последствий, будто бы вообще в них отсутствующих.

Необходимость для каждого состава последствия как одного из элементов, характеризующих его объективную сторону, не может быть оспорена и ссылкой на то, что в некоторых случаях закон говорит о последствиях, которые не наступили, а лишь *могли* наступить. Наличие подобных составов, конечно, сомнений не вызывает. Так, ст. 109 УК РСФСР говорит о действиях, которые *«хотя бы и не повлекли, но заведомо для должностного лица могли повлечь тяжелые последствия»*; аналогично ст. 59^{3в} УК РСФСР говорит о нарушении работниками транспорта трудовой дисциплины, если это нарушение *повлекло или могло повлечь* поврежде-

ние или уничтожение подвижного состава, пути и т. д. Для правильного понимания этих составов нельзя упускать из виду отмеченного выше относительного характера последствий. Дело в том, что ст. 109 и ст. 59^{3в} УК РСФСР предусматривают в указанных случаях реальное или возможное наступление не вообще каких-либо последствий, а определенных, в законе описанных последствий: «тяжелых последствий» (как говорит ст. 109 УК РСФСР) или «повреждение или уничтожение подвижного состава или пути» и т. п. (как конкретно говорит ст. 59^{3в} УК РСФСР). Возможное отсутствие *этих* последствий отнюдь не исключает реального наличия *иных* последствий. Это положение находит четкое подтверждение в тексте тех же ст. 109 и 59^{3в} УК РСФСР.

Действительно, ст. 59^{3в} УК РСФСР предусматривает ряд наступающих одно за другим последствий нарушения трудовой дисциплины: 1) нарушение правил уличного движения, 2) недоброкачественный ремонт, 3) повреждение или уничтожение подвижного состава и др., 4) срыв намеченных правительством планов перевозок или угроза правильности и безопасности движения независимо от того, могли или не могли наступить, согласно ст. 59^{3в} УК РСФСР, последствия, указанные в ч. 1 и 2 этой статьи. Напротив, последствия, указанные в ч. 1, – нарушение правил движения, недоброкачественный ремонт или другое отрицательное явление (как последствие нарушения трудовой дисциплины) – для состава ст. 59^{3в} УК РСФСР безусловно необходимы. Равным образом, согласно ст. 109 УК РСФСР, безусловным и вполне *реальным* последствием злоупотребления властью является «явное нарушение правильной работы учреждения или предприятия, или причинение ему ущерба, или нарушение общественного порядка или охраняемых законами прав и интересов отдельных граждан», а *возможными* – лишь «тяжелые последствия». Таким образом, *возможность* наступления вредных последствий, предусмотренная ст. 59^{3в} и 109 УК РСФСР, касается лишь некоторых последствий, которые могут наступить или не наступить дополнительно к последствиям необходимым.

То положение, что возможность наступления последствия есть, в качестве элемента состава преступления, столь же реальный и требующий установления факт, как и в действительности наступившее последствие, неоднократно признавалось Верховным Судом. Так, С. был осужден Военным трибуналом за то, что, будучи техником-нормировщиком вагоноремонтной колонны № 36, находился 9 ноября на работе в пьяном состоянии, вследствие чего не мог выполнять возложенных на него служебных обязанностей. Коллегия, исходя из того, что появление С. на работе в нетрезвом виде в данном случае не повлекло и *не могло повлечь последствий, указанных в ч. 1 ст. 58¹⁷* УК Грузинской ССР, признала, что этот проступок подлежит разрешению в дисциплинарном порядке⁶³.

Верховный Суд, таким образом, признал необходимым исходить из двух установленных фактов: поведение С. 1) не повлекло и 2) не могло повлечь вредных последствий. Но ведь в ряде других составов преступлений, обычно относимых к «формальным», речь идет именно об установлении факта *возможных последствий*. Так, ст. 156 УК РСФСР предусматривает «заведомое оставление без помощи лица, находящегося в опасном для жизни состоянии, лишенного принять меры самосохранения по малолетству, дряхлости, болезни или вообще вследствие своей беспомощности».

Отнесение преступления, предусмотренного ст. 156 УК РСФСР, к «формальным» основано на ложном представлении, будто «оставление в опасности» – действие (или бездействие),

⁶³ См. «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда СССР, 1941 год», Юриздат, 1948. Интересна в этом отношении ч. 2 ст. 1 Уголовного кодекса Румынской Народной Республики: «Общественно опасным считается всякое действие или бездействие, нарушающее экономическое, общественное или политическое устройство Румынской Народной Республики, или угрожающее безопасности, или нарушающее правопорядок, установленный народом, возглавляемым рабочим классом».

не требующее последствий. Однако совершенно несомненно, что оставление в *опасности*, то есть создавшееся опасное положение лица, должно быть доказано именно как реально наступившее последствие действий или бездействия (проводник ушел, врач не явился и т. п.) обвиняемого, хотя в законе нет специального указания и на возможность вредных последствий.

Авторы учебника общей части уголовного права – Филипповский, Толар, Долепский – указывают: «Новый Уголовный кодекс не знает так называемых *формальных преступлений*, при которых речь идет о простом отклонении (буквально «превышении») от нормы, последствием которого не является нарушение или создание угрозы (опасности) для объекта преступления; в соответствии с новым Уголовным кодексом любое преступление имеет своим *последствием* причинение вреда или, по меньшей мере, создание угрозы (опасности) в отношении объекта уголовного преступления»⁶⁴.

Верность этого положения находит свое подтверждение и при анализе такого своеобразного состава, как мошенничество в смысле ст. 169 УК РСФСР. Эта статья определяет мошенничество как обман или злоупотребление доверием с *целью получения* имущества; таким образом, ст. 169 УК РСФСР как бы отсекает последствие – получение имущества – от состава мошенничества; мошенничество, согласно ст. 169 УК РСФСР, вполне возможно и без получения имущества. Однако ст. 169 УК РСФСР обязательно требует последствия, конечно, не в форме получения имущества как необходимого элемента состава.

Для выяснения этого вопроса обратимся к следующему примеру. Иванов явился к Сидорову и ложно сообщил ему, что его, Сидорова, жена заболела и просила прислать 1000 руб. Далее можно наметить два варианта: Сидоров поверил, но заявил, что, к сожалению, в настоящий момент денег не имеет. В этом случае в действиях Иванова имеется, согласно ст. 169 УК РСФСР, состав оконченного мошенничества, хотя имущества (денег) Иванов не получил. Здесь последствие – введение в заблуждение Сидорова. Обратимся к другому варианту: Сидоров, выслушав Иванова, ему не поверил, так как он получил за час до прихода Иванова телеграмму, что жена приезжает. В этом случае может стоять вопрос об ответственности Иванова лишь за покушение, по ст. 19 и 169 УК РСФСР, ибо в этом последнем случае обман не привел к результату: Сидоров в заблуждение введен не был. Таким образом, различие в составах мошенничества, согласно ст. 169 УК РСФСР, с одной стороны, и ст. 180 УК РСФСР – с другой, заключается не в том, что по ст. 180 УК РСФСР требуется последствие, а по ст. 169 УК РСФСР такового не требуется: различие лишь в том, что по ст. 180 УК РСФСР последствие – получение имущества, по ст. 169 УК РСФСР – введение в заблуждение.

Выше было отмечено, что среди элементов состава нет лучших или избранных, что все элементы равно необходимы для наличия описанного в законе состава преступления. Отсюда, однако, не следует, что значение элементов во всех отношениях однородно. Напротив, необходимо с полной отчетливостью подчеркнуть следующее положение.

При равноценности всех элементов состава в смысле их равной необходимости для наличия состава преступления они в других отношениях могут отличаться и отличаются различными, не совпадающими качествами: равноценность элементов отнюдь не означает их тождества. Некоторыми своеобразными чертами отличается и последствие в качестве элемента состава преступления.

Отличие последствия от иных элементов состава преступления выражается, прежде всего, в следующем: по общему правилу, отсутствие одного из элементов состава приводит к отсутствию состава в целом и, следовательно, к устранению уголовной ответственности. Отсутствие последствия (точнее, его ненаступление) также исключает наличие состава в целом, но

⁶⁴ Прага, 1951, стр. 72–73. Отвергается различие «формальных» и «материальных» преступлений и в румынской литературе (см. статью Данча «Причинная связь в уголовном праве», «Justitia Nouva», 1954, № 6).

лишь состава *оконченного* (умышленного) преступления; при отсутствии последствия возникает специальное положение, обосновывающее уголовную ответственность за покушение.

Далее, последствие (и в этом отношении положение с ним органически связанного элемента – объекта преступления – однородно) отличается важной особенностью, лежащей в сфере процессуальной. Обратимся, прежде всего, к объекту. Как было указано выше, объект посягательства, по общему признанию всех советских криминалистов, является необходимым элементом каждого состава. Следует ли отсюда, что в каждом конкретном деле следствие и суд обязаны устанавливать наличие объекта посягательства? Воспользуемся конкретными примерами – делами о спекуляции, о постановлении неправоудного приговора, хулиганстве и другими. Общепризнанно, что объектом спекуляции является советская торговля, объектом постановления неправоудного приговора – социалистическое правосудие, объектом хулиганства – социалистический правопорядок.

Однако, обычно, если не во всех случаях, следствие и суд совершенно не касаются вопроса об установлении объекта спекуляции, неправоудного приговора, хулиганства и т. п. Они не останавливаются на исследовании объекта, конечно, не потому, что *наличие объекта* для состава этих преступлений не требуется или требуется в меньшей степени, а, напротив, именно потому, что наличие объектов (ущерб советской торговле – при спекуляции, ущерб социалистическому правосудию – при постановлении неправоудного приговора и социалистическому правопорядку – при хулиганстве) *в этих случаях настолько бесспорно и очевидно, что не нуждается в особом исследовании и установлении*. Совершенно аналогично положение с установлением последствия как элемента состава.

Как было подробно развито выше, беспоследственных деликтов (как и деликтов без объектов) в природе не существует. Но подобно тому, как суд не во всех случаях особо устанавливает наличие объекта посягательства, так нет необходимости по каждому делу устанавливать наличие конкретного последствия, например, ущерба советской торговле при спекуляции или социалистическому правопорядку – при хулиганстве. В соответствии с этим особенность так называемых материальных деликтов не в том, что в них, в отличие от беспоследственных формальных деликтов, имеются последствия, а в том, и только в том, что, точно конкретизируя в некоторых составах последствие (например, развал центрального аппарата учреждения – ч. 1 ст. 112 УК РСФСР), закон тем самым лишь по этим деликтам делает необходимым особое процессуальное установление предусмотренного законом конкретного последствия.

Эта процессуальная особенность – отсутствие необходимости во всех случаях особого доказывания наличия объекта и последствия – отнюдь не ослабляет их материально-правового значения как элементов каждого состава: и при разрешении вопросов о наличии причинной связи вовсе нет необходимости специально устанавливать наличие этого элемента состава преступления в огромном большинстве дел. Однако никто не решится делать отсюда вывод, что причинная связь не является элементом состава преступления.

Таким образом, установление не только последствия, но и объекта и причинной связи (см. ниже) процессуально отнюдь не всегда является необходимым. И как нельзя на этом основании делить преступления на объектные и безобъектные, так нельзя делить их на последствия и беспоследственные.

Обратимся к анализу последнего обязательного элемента, характеризующего объективную сторону преступления, – причинной связи.

в) Причинная связь

За истекшие десятилетия наукой социалистического уголовного права на основе марксистской методологии разработаны многие институты и понятия уголовного права: понятие

преступления и его состав, цели и виды наказания, понятие и виды соучастия, система особенной части и др.

Однако некоторые проблемы советского уголовного права еще не получили до настоящего времени надлежащего разрешения; среди этих неразрешенных проблем одной из наиболее существенных является проблема причинной связи.

Бесспорным является следующее положение: нет и не может быть особых учений о причинной связи в отдельных научных дисциплинах. Не может быть поэтому особого учения о причинной связи и в социалистическом уголовном праве. Есть одно единое, данное классиками марксизма-ленинизма понимание причинной связи, и только это марксистско-ленинское понимание должно лечь в основу конструкции причинной связи специальными дисциплинами, в частности уголовным правом. Отсюда совершенно ясно, что причинность и в плане уголовного права, как и причинность в общеправовом марксистском смысле, есть объективная категория.

Основоположники марксизма-ленинизма не только раскрыли объективную материалистическую природу причинности. Целой системой идей и принципов марксизм вооружает исследователей для понимания причинной связи в специальных областях знания. При этих условиях прямая и ясная задача теоретиков социалистического уголовного права заключалась в том, чтобы на основе построенного К. Марксом, Ф. Энгельсом и В. И. Лениным общего учения о причинной связи разработать учение о причинной связи в уголовном праве. К сожалению, этой задачи советская теория уголовного права до сих пор не разрешила. Результатом этого явилось проникновение в теорию социалистического уголовного права попыток механического перенесения в сферу уголовного права некоторых терминов марксистского учения о причинности вместо действительного решения вопроса.

В этом плане заслуживают быть отмеченными рассуждения о причинной связи, содержащиеся в учебнике общей части уголовного права (изд. 1948 г.).

Автор раздела учебника о причинной связи, проф. А. А. Пионтковский, правильно отмечает: «Является глубоко антинаучной всякая попытка создания при разрешении вопроса о причинности в праве особого понимания причинности, отличного от понимания причинности диалектического материализма... Наше понимание причинности в праве должно быть материалистическим пониманием причинности как объективной категории»⁶⁵.

Эти неоспоримые положения являются, однако, лишь предпосылками для правильного решения проблемы причинной связи, а не самим решением. Необходимо, исходя из этих верных предпосылок, на глубокой основе всего марксистского учения о причинности раскрыть понятие причинной связи в социалистическом уголовном праве. Учебник не идет этим путем. Не углубляясь в проблему, не опираясь на многочисленные указания классиков марксизма, учебник удовлетворяется внешним сближением некоторых положений и терминов марксистского учения о причинности с некоторыми понятиями уголовного права. В этом нетрудно убедиться.

Хорошо известно, что марксизм различает категории случайного и необходимого. С другой стороны, как известно, уголовное право констатирует понятие случая (казус), при наличии которого уголовная ответственность исключается. Итак, о «случайном» говорит материалистическая диалектика, о «случае» – уголовное право. Для исследователя открывается соблазнительная возможность на основе этого терминологического сходства, минуя все другие положения марксистского учения о причинности, решить проблему причинной связи в уголовном праве. И учебник пошел этим путем: от «случайного» в понимании материалистической диалектики он прямо переходит к «случаю» в смысле уголовного права: «При установлении наличия этой связи между действиями данного лица и определенными общественно опасными

⁶⁵ «Уголовное право. Общая часть», Юриздат, 1948, стр. 303.

последствиями мы должны, – говорит учебник, – разрешить, являются ли они *необходимыми или случайными* последствиями совершенного данным лицом действия»⁶⁶.

Решение этого вопроса имеет, по мнению проф. А. А. Пионтковского, весьма важное значение, ибо, по утверждению автора, вопрос об уголовной ответственности может ставиться лишь в отношении необходимых последствий данного действия человека, то есть последствий, которые были реально возможными при совершении этого действия в данных конкретных условиях, закономерно вытекали из него. Все случайные последствия данного действия лица лежат за пределами интересов уголовного права. За эти последствия лицо, ни при каких условиях не может нести уголовную ответственность. «Для уголовного права имеют значение лишь причинно необходимые связи». Итак, по утверждению учебника, случайное в понимании материалистической диалектики образует всегда случай (*casus*) в смысле уголовного права. Поэтому уголовная ответственность может наступить лишь за последствия, необходимо связанные с действиями лица, напротив, последствия случайные – в философском понимании случайности – уголовную ответственность всегда и безусловно исключают.

Поэтому «в каждом конкретном деле», указывает учебник, является «прежде всего» необходимым разрешить вопрос, «являются ли причиненные последствия случайными или необходимыми», ибо, если по исследованию «каждого конкретного дела» окажется, что последствие причинено случайно, самая возможность уголовного преследования отпадает.

Такую конструкцию нельзя признать правильной.

Материалистическая диалектика рассматривает причинную связь как объективную категорию, реально существующую во внешнем мире. Это понимание причинности в одинаковой мере относится как к необходимому, так и к случайному причинению. «Случай» же (*casus*) в смысле уголовного права – понятие совершенно иного порядка и значения. Случай в смысле уголовного права означает и может означать лишь определенное психическое состояние субъекта, а именно: отсутствие у лица, причинившего общественно опасный результат, вины в форме умысла или неосторожности. Следовательно, случайное в понимании материалистической диалектики характеризует *объективный процесс* причинения, его объективно случайный характер; «случай» в уголовном праве – *субъективное* состояние лица, отсутствие в психике лица умысла или неосторожности, невиновный характер поведения лица. Поэтому совершенно ясно, что вполне мыслимы и реальны ситуации, когда «необходимое» в философском смысле причинение может составить «случай» (*casus*) в понимании уголовного права и, наоборот, когда случайное в философском смысле не образует условного понятия «случая» в смысле уголовного права. Так, удар по спине человека, который вследствие перенесенной тяжелой болезни оказался смертельным (пример необходимого причинения, приводимый учебником), образует случайное причинение смерти в смысле уголовного права, если ударивший не знал и не мог знать о перенесенной потерпевшим болезни. И, напротив, случайное в смысле материалистической диалектики может вовсе не оказаться «случаем» в смысле уголовного права. Приведем пример. В глухом месте, где обычно нет движения транспорта, Иванов нанес Петровой легкое телесное повреждение. Петрова упала. Неожиданно появившаяся машина наехала на Петрову и задавила ее. В этом примере случайное причинение и «случай» совпадают. Смерть причинена случайно, уголовная ответственность за убийство не наступает. Достаточно, однако, видоизменить психическое отношение субъекта к наступившему результату – смерти Петровой, чтобы соотношение случайного причинения и «случая» радикально изменилось. Действительно, если Иванов знал, что по обычно пустынной улице должна в этот вечер проехать машина, и поэтому намеренно оставил Петрову лежать на улице, то *при том же объективном развитии событий* нет «случая», а есть умышленное убийство Петровой.

⁶⁶ Там же.

Выход из этого разрыва случайного причинения и «случая» можно искать в утверждении, что при знании Иванова о предстоящем появлении машины причинение смерти Петровой перестанет быть случайным и в философском смысле становится «необходимым». Но тогда создается еще более трудное положение: оказывается, что случайное причинение превращается в необходимое в зависимости от субъективного восприятия лица (не знал Иванов о машине – случайное причинение смерти Петровой, знал – необходимое причинение), то есть все учение о причине как объективной категории ставится на голову, и грань между случайным и необходимым причинением определялась бы в этом случае в зависимости от психического состояния субъекта⁶⁷.

Теоретические неправильные рассуждения учебника неизбежно приводят к большим трудностям на практике.

⁶⁷ Противопоставление необходимого и случайного причинения как основание для решения вопросов о причинной связи в социалистическом уголовном праве подверглось основательной критике в статье В. Н. Кудрявцева «К вопросу о причинной связи в уголовном праве» («Советское государство и право», 1950 г., № 1). В учебнике общей части (изд. 1952 г.) автор не пытается прямо отождествлять *casus* в смысле уголовного права со случайным в смысле материалистической диалектики. К сожалению, точка зрения автора остается по этому вопросу невыявленной ввиду неопределенности изложения его взглядов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.